

Виталий Призюк

СТРОГАНОВ
БУШУЮЩИЕ ВОДЫ

ДРАМА

П75 В. Призюк

«Строганов. Бушующие воды» / Призюк В.Я. – Пермь: DPS-студия, 2019 - __ с., ил.

Пьеса «Строганов. Бушующие воды» посвящена драматическим событиям в жизни графа Павла Строганова на борту фрегата «Святой Патрикий» в июне 1817 года.

Редактор Александр Стабровский

Верстка DPS-студия

**Отзыв на пьесу Виталия Ярославовича Призюка
«Строганов. Бушующие воды»
кандидата филологических наук, доцента, лауреата
Строгановской премии
Нины Евгеньевны Васильевой**

Драма В.Призюка – отрадное явление на небосклоне современной драматургии. Она особенно ценна в преддверии 300-летия города, учитывая значение Строгановых для Пермского края.

В пьесе, на мой взгляд, получилось главное: нетривиальная и вызывающая к разгадке интрига, которая развивается и раскрывается по нарастающей, по принципу крещендо. Это создает острую драматургию. Это же создает и смысловой объем, внутреннее пространство, пружину, которая держит читателя в напряжении и неослабевающем интересе и внимании. В тексте нет пустот, ты все время начеку. Все персонажи даны с той дозой энтропии, которая необходима, чтобы «заработало» встреченное прочтение и восприятие.

Сцена с призраками – это, по Аристотелю, катарсис, и он сделан Виталием Призюком в традициях «гения меры» - без срыва в мелодраму и без возвышенного пафоса. Драма и есть драма, с жанром у автора все в порядке. Все тайны Строгановых, их клановое «подполье» (по Достоевскому) даны весьма уважительно, без мельтешения и амикошонства. Аристократы выведены аристократом, а не плебеем. Это очень важно с точки зрения стиля (сегодня ведь любят микшировать), с точки зрения авторской культуры... Я верю, что сценическая жизнь этой пьесы будет удачна!

СТРОГАНОВ. БУШУЮЩИЕ ВОДЫ
драма
в двух действиях, семи картинах

Действующие лица:

Граф Павел Александрович Строганов, генерал-лейтенант, 42 года

Графиня Софья Владимировна Строганова, его супруга, 41 год

Князь Дмитрий Владимирович Голицын, генерал от кавалерии, брат Софьи, 46 лет

Барон Александр Григорьевич Строганов, двоюродный племянник Павла Строганова, 22 года

Григорий Михайлович Безобразов, полковник, адъютант графа Строганова, 32 года

Томас Кандлер, капитан корабля Св. Патрикий, около 50 лет

Борисов, старший помощник капитана корабля, около 20 лет

Доктор Абе, немец, около 40 лет

Доктор Герт, немец, около 40 лет

Ермолай Есаков, художник, 27 лет

Призраки:

Отец

Мать

Сын

Анна, первая любовь

**ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
СЦЕНА ПЕВРАЯ**

Июнь 1817 года. Корабль «Святой Патрикий» направляется из Санкт-Петербурга в Португалию, где должен найти лечение граф Павел Строганов. Вместе с ним плывут близкие ему люди и доктора. Корабль подплывает к Копенгагену.

Утро. Кают-компания корабля. В центре стоит большой круглый стол. За ним сидит доктор Абе и пьет кофе. Доктор Герт стоит у окна.

ГЕРТ: Кровопускание не наш метод, доктор Абе.

АБЕ: И что, доктор Герт, мы его и дальше будем поить сладким молоком?

ГЕРТ: У вас есть идея получше?

АБЕ: Да, мы заменим коровье молоко на кобылье, а также добавим туда порошок из раковых клешней.

ГЕРТ: Герр Абе, графиня говорила, что он не переносит вкус лошадиного молока!

АБЕ: Что ж, тогда добавим отвар исландского мха в ослиное молоко. Оно считается намного полезнее коровьего.

ГЕРТ: И где же мы найдем ослиное молоко или хотя бы одного захудалого осла на этом чертовом корабле?

АБЕ: Капитан сказал, что к вечеру мы будем в Копенгагене. Наверняка на весь город найдется хоть один осёл.

ГЕРТ (*тихо*): Да, один будет точно.

АБЕ: К тому же у меня в городе есть хороший друг герр Фредерик – он доктор в местной клинике для душевнобольных.

ГЕРТ: Oh, Mein Gott!

АБЕ: В чем дело? Они там прекрасно знают, как справляться с чахоткой!

ГЕРТ: Это случайно не тот, кто в качестве лечения предложил датскому герцогу проехать на карете по всем кочкам, чтобы в легких от сотрясения вскрылся внутренний нарыв?

АБЕ (*крестится*): Упокой Господи его душу.

ГЕРТ: Он ведь от того и умер тогда?

АБЕ: Нет, доктор Герт, он скончался от переохлаждения. Фредерик прописал ему обливания холодной водой три раза в день. (*Пауза*). Наверное, не стоит прописывать обливания холодной водой в январе. Особенно в Дании.

ГЕРТ: Он что, еще выставлял его на мороз?

АБЕ: Нет, конечно. Просто Фредерик стал заставлять герцога ежедневно совершать пешие и конные прогулки.

ГЕРТ: Вот тут-то он и простудился!

АБЕ (*пытливо смотрит на Герта*): Вы что-нибудь слышали о навозном лечении?

ГЕРТ: Мне уже не нравится.

АБЕ: Фредерик обратил внимание, что датские фермеры не болеют чахоткой и это связано с особыми свойствами коровьего навоза, которыми они регулярно дышат.

ГЕРТ: Кто, коровы?

АБЕ: Да не коровы, фермеры! Доктор решил, что в этом воздухе погибает любая зараза, а если подышать этими испражнениями подольше, то они выталкивают из человека любую болезнь...

ГЕРТ: И что, герцог простудился во время прогулки по унавоженному полю?

АБЕ: Не совсем. Фредерик уговорил его провести ночь в коровнике. А перед тем были обливание и прогулка. Утром герцога уже не смогли разбудить...

ГЕРТ: Пресвятая дева Мария! Вам не кажется, доктор, что все эти испытания были как-то чересчур?

АБЕ: Возможно. Впрочем, Фредерика именно с тех пор отправили служить в больницу для душевнобольных.

ГЕРТ (*После небольшой паузы, вздыхая*): Я думаю, наш граф просто не хочет жить и мы тут бессильны.

АБЕ: Оно и понятно. Друг за другом он потерял сначала своего любимого отца, потом мать, и вот сейчас единственного сына.

ГЕРТ: Ужасная смерть.

АБЕ: На глазах отца.

ГЕРТ: Говорят, он два дня искал его тело на поле боя и нашел только по перчаткам с родовым вензелем.

АБЕ: Господи.

ГЕРТ (*После паузы*): Главное, чтобы мы успели доплыть до Португалии, где граф спокойно может лечиться. Море и солнце лечат лучше любых лекарств.

АБЕ: Уж точно лучше вашего молока.

ГЕРТ: Сейчас мы можем лишь следить за его диетой и за его здоровым сном.

АБЕ: Именно, но сегодня граф снова почти не спал.

ГЕРТ: Значит так, герр Абе, попробуем вечером настой белладонны.

АБЕ: Может опий?

ГЕРТ: А опий пока побережем.

АБЕ: Как бы хуже не стало.

ГЕРТ (*после паузы, не сменяя озабоченности лица*): Надо проследить, чтобы кок сегодня приготовил молочный суп.

АБЕ (*веселее*): И никакого французского вина, только испанское!

ГЕРТ: Точно, от французов одни неприятности.

АБЕ: Кстати, мне Фредерик рассказывал про одну француженку...

ГЕРТ: Опять ваш Фредерик!

АБЕ: Ну не хотите – не слушайте, доктор Герт!

ГЕРТ: Ладно-ладно, доктор Абе, что за француженка?

АБЕ: Ее звали Теруань, так кажется. Звезда Парижа, ну которая, хи-хи, с голой грудью повела мужчин на Бастилию.

ГЕРТ: Да-да, я слышал эту историю. Все мужчины были от нее без ума! Но она же была... куртизанка.

АБЕ: Именно, состояла на содержании у богатых любовников. Так вот, сейчас она – приготовьтесь – (*с восторгом*) в больнице для умалишенных у нашего Фредерика!

ГЕРТ: Не может быть!

АБЕ: Именно так! Вы верно заметили, док, все мужчины были от нее без ума. А их жены, как думаете?

ГЕРТ: Ну что жены...

АБЕ: Думаешь, им это понравилось?

ГЕРТ: Вряд ли.

АБЕ: Их ревнивые жены подговорили уличных торговков, да и те сами, я думаю, на нее имели зуб – дамочка была крайне популярна. Торговки однажды схватили ее прямо на рынке, раздели донага прямо при всех...

ГЕРТ: Mein Gott!..

АБЕ: Разорвали всю одежду, обрезали волосы, избили до полусмерти и оставили прямо там помирать на мостовой.

ГЕРТ: Какая жестокость! Господи!

АБЕ: Но она выжила, представляете! Разумеется, ее на пушечный выстрел больше не подпускали к приличному обществу. Да и от ее красоты ничего не осталось.

ГЕРТ: Хорошо же они над ней поработали!

АБЕ: Не то слово! Долго скиталась где-то, пока ее не обнаружили в Копенгагене в местном порту...

ГЕРТ: Что она там делала?

АБЕ: Вам это понравится, герр Герт! Была забавой местных моряков и находилась в совершенном помутнении рассудка.

ГЕРТ: Бедняжка! Мне это совсем не нравится, черт!

АБЕ: Так что может оно и к счастью, что она теперь в доме умалишенных. В безопасности, какой никакой. В тепле. Правда Фредерик сказал, что она совсем плоха и что ей недолго осталось.

ГЕРТ: Святая Дева Мария, я надеюсь, что твой Фредерик не будет ее мучить также как и того герцога и даст ей спокойно отойти в мир иной.

АБЕ: На все воля Божья.

Крестятся, задумываются.

АБЕ: Интересно, а в Португалии есть вино?

ГЕРТ: Шутишь, какое в Португалии вино.

АБЕ: А я думаю, что есть. Они же рядом с Испанией.

ГЕРТ: И что?

АБЕ: Ну, в Испании-то отличное вино!

ГЕРТ: Ну, может в Португалии какое-то вино и есть, деревенское.

Входят князь Дмитрий Голицын и графиня Софья. Князь в военном мундире, Софья в дорожном платье темных тонов.

ГОЛИЦЫН (*с довольным выражением*): Господа, в Португалии прекрасное вино. Особенно Порто – с крепким мужским характером! Попробуйте!

СОФЬЯ (*взволнованно*): Доктор Абе, доктор Герт, как Павел, скажите?

АБЕ: Все по-прежнему, графиня. Плохо спит, плохо кушает, плохо следует нашему лечению.

ГЕРТ: О, мадонна...он угасает как свеча. Все проблемы в его голове – думы терзают его.

АБЕ: Если бы вы оказали на него какое-то влияние, поговорили бы...

Софья с болью на лице отворачивается.

ГОЛИЦЫН: Господа, вы прекрасно знаете, что граф охладел к советам своей супруги. Как, впрочем, (*с нажимом*) и своих добрых друзей.

СОФЬЯ: Я хотела бы сделать ему приятное и собрать всех вас сегодня вечером здесь. У него будет день рождения...

АБЕ: Да, он нам говорил об этом.

СОФЬЯ: Говорил?

ГЕРТ: Он просил его ничем не беспокоить и дать ему вечером зелье для сна.

АБЕ: Простите, что говорим вам это, но он также и просил передать, если вы захотите устроить какой-то вечер в честь его дня рождения, то всего это не нужно.

ГОЛИЦЫН: С каких пор граф общается со своей супругой через докторов?!

СОФЬЯ: Не надо, Дмитрий...

ГЕРТ: Нам самим от того крайне неловко, князь.

АБЕ (*суетливо*): Да и нам пора, надо решить кое-какие вопросы с коком и обедом, который он собирается приготовить. Да, герр Герт?

ГЕРТ (*с сожалением*): До встречи, князь, до встречи, графиня.

АБЕ: Все образуется.

Слегка поклонившись, уходят.

ГОЛИЦЫН: Мне не нравится, что Павел говорит с тобой через этих докторов.

СОФЬЯ: А мне это уже все равно.

ГОЛИЦЫН: Я тоже считаю, что тебе надо поговорить с ним. Seriously. Слышишь, Софья?!

СОФЬЯ: Понимаешь, он сейчас воспринимает все очень остро.

ГОЛИЦЫН: Он всегда все остро воспринимал! Но его надо встряхнуть. Он не может взять себя в руки. Раскис как...

СОФЬЯ: Довольно, Дмитрий. Он мой муж! Еще неизвестно, как бы ты со всем этим справился.

ГОЛИЦЫН: Я?! Я тоже терял друзей на войне, близких мне людей. Но у меня есть семья, есть ты – моя любимая сестра, есть наша матушка (*запнулся*) – и я должен о вас заботиться.

СОФЬЯ (*с иронией*): Очень мило с твоей стороны.

ГОЛИЦЫН: А еще, напомню, у вас остались четыре дочери и самое большое состояние в империи. Кто этим всем будет управлять?!

СОФЬЯ: Тебе не стоит об этом беспокоиться. Мы с Павлом решили выдать нашу старшую дочь Наталью за барона Сергея Строганова.

ГОЛИЦЫН: Барона?! Вы передаете все молодому барону?! Ты княжна, Софья! Вышла замуж за графа! А дочь свою за барона?! А потом что, с холопами родниться будем?!

СОФЬЯ: Он наследует наш графский титул и их семья все наше состояние.

ГОЛИЦЫН: Лихо придумано! Это идея Павла?

СОФЬЯ: Это наша общая идея. Нам нужно продолжение. Да и он славный мальчик. Чем больше я его узнаю, тем больше люблю.

ГОЛИЦЫН: Ха, даже так!

СОФЬЯ: Невозможно иметь более благородные чувства, чем у него.

ГОЛИЦЫН: Ну конечно. В один миг получить и графский титул, и пермские земли, по территории сравнимые с целыми государствами, что мы сейчас проплываем.

СОФЬЯ: Дмитрий, возможно, что мое воображение наделяет его совершенствами, которыми он и не обладает, но мне он видится именно таким.

ГОЛИЦЫН: Скажи, но он хотя бы лучше, чем его братец «Александр», этот мальчишка-балагур, который увязался за нами в плавании?

СОФЬЯ: Во-первых, не увязался, а я сама ему предложила, зная, что он с радостью согласится.

ГОЛИЦЫН: О, горе мне с моей сестрой!

СОФЬЯ: И Павел его любит. А Саша его развлекает. Все время что-нибудь придумывает.

ГОЛИЦЫН: Вот это мне и не нравится.

СОФЬЯ: Тебе все время что-то не нравится!

ГОЛИЦЫН: Ты знаешь, я не очень-то жалую нынешнюю молодежь. Она вся пропитана этими опасными идеями...

СОФЬЯ: Ну что может быть опасного в нашем молодом бароне? Ему 20 лет!

ГОЛИЦЫН: Дурной возраст! К примеру, он мне вчера с упоением рассказывал о своих молодых приятелях, которые нынче выпускаются из царскосельского лицея.

СОФЬЯ: Да, я слышала про то. Первый выпуск, про него сейчас много говорят в свете.

ГОЛИЦЫН: А у них там черт знает что творится! Император даже не понимает, какую змею пригрел у себя на груди. Там рассадник молодых якобинцев, помяни мои слова!

СОФЬЯ: Тебя невозможно слушать! Да с чего ты взял?! Якобинцы, господа...

ГОЛИЦЫН: Барон вчера мне имел удовольствие декларировать некоторые их стишки. Ты знаешь, они там такие вещи пишут! Страсть что!

СОФЬЯ: Это все молодость, князь. А это, как известно, проходит.

ГОЛИЦЫН: Может молодость, а может и нет, а время, сама знаешь, какое сейчас беспокойное. Ну да я на всякий случай по памяти их всех записал. *(достает бумагу)*. Так-с, ага, Кюхельбеккер, Дельвиг, Малиновский, Пущин, и особенно этот... Пушкин!

СОФЬЯ: Ох, князь, постыдились бы. Барон к тебе со всей душой, стихи читает, а ты!

ГОЛИЦЫН: А что я?

СОФЬЯ: Записываешь за ним.

ГОЛИЦЫН: Стыд это для барышень, а мы, люди государевы, должны быть бдительны.

СОФЬЯ: И что, подашь этот список императору? Вместе с их стихами?

ГОЛИЦЫН: Положу в папочку. До поры до времени.

СОФЬЯ: Но это уже подлость!

ГОЛИЦЫН: Это верность своему отечеству!

СОФЬЯ: У тебя на все есть ответ и никакого сомнения.

ГОЛИЦЫН: А мы люди военные, знаете ли. Сомневаться на войне нельзя. Задумался, замешкался – и ты уже труп. Ха-ха-ха. *(Софью передергивает)*. Извини.

СОФЬЯ: Павел тоже военный, но он другой.

ГОЛИЦЫН: Но вот и разреши мне поговорить с ним по-мужски, по-нашему.

СОФЬЯ: Знаю я эти ваши по-мужски.

ГОЛИЦЫН: Как офицер офицеру! Я найду слова, чтобы вывести его из этого, гм, помутнения.

СОФЬЯ: Да как же ты не понимаешь?! Он не как ты – он все принимает близко к сердцу, у него очень тонкая душа.

ГОЛИЦЫН: Какие мы нежные!

СОФЬЯ: А сейчас он как оголенный нерв!

ГОЛИЦЫН: Это все ваши женские разговоры, сударыня.

СОФЬЯ: Ты не знаешь, как он любил своего отца. Старый граф воспитывал Павла один любил своего единственного ребенка больше жизни. И всю жизнь свою положил для того, чтобы время Павла было настоящим триумфом!

ГОЛИЦЫН: Душа моя, ты сама знаешь, что он взял на себя слишком много.

СОФЬЯ: Знаешь, как говорят Строгановы?

ГОЛИЦЫН: Сейчас запишу *(достает ту же бумагу)*.

СОФЬЯ: Хватит паясничать, братец! *(пауза)*. Не беря на себя более, чем можешь унести, не достигнешь больших высот!

ГОЛИЦЫН: Неплохо. Но иногда опасно летать под солнцем, крылышки можно опалить.

СОФЬЯ: Он достроил Казанский собор на пределе своих сил и спустя неделю после освящения умер.

ГОЛИЦЫН *(декларирует)*: ...но горячее солнце растопило воск, и он утонул в бушующих волнах.

СОФЬЯ: Угас, исполнив дело, в успех которого не верил никто!

ГОЛИЦЫН: Еще бы! Мало, кто бы доверил проектировать самый большой собор столицы своему бывшему крепостному.

СОФЬЯ: О, Андрей Воронихин был больше, чем крепостной. Он рос вместе с Павлом, был ему как брат.

ГОЛИЦЫН: Да, мне известны эти разговоры о, кхм, его особом родстве со старым графом. Я бы и сам, пардон, не удержался от пышногрудой крестьянки! *(хохочет)*.

СОФЬЯ: Ты неисправим! Тем более это все сплетни.

ГОЛИЦЫН: Кстати, я слышал, сразу после смерти этого крепостного, крыша Казанского собора стала осыпаться. Финита ля комедия!

СОФЬЯ: А ты и рад!

ГОЛИЦЫН: Не думаю, что этот храм простоит и 50 лет. Надо было довериться знающим людям.

СОФЬЯ: То была Божья кара за ваше неверие, князь!

ГОЛИЦЫН: Qui vivra, verga.¹

Голицын подходит к шкафчику, достает графин с вином и два бокала, ставит на стол, разливает. Софья делает глоток, Голицын не поднимает бокал.

СОФЬЯ: Потом сразу после смерти старого графа умирает мать Павла Екатерина Петровна.

ГОЛИЦЫН: А это было ожидаемо, она ведь болела.

СОФЬЯ: Я сейчас думаю, что жизнь есть ничто иное как череда печалей и беспокойств.

ГОЛИЦЫН: Послушай, она сбежала от своего мужа с Корсаковым и оставила малолетнего Павла! И насколько я знаю, не очень-то печкалась о его судьбе. Не думаю, что Павел сильно страдал!

СОФЬЯ: Не всем так повезло с маменькой, как нам. *(Испытующе смотрит на Голицына, тот вздрагивает)*. Но мать есть мать.

ГОЛИЦЫН: Матерей не выбирают, да-с.

СОФЬЯ: А ведь за все годы, что Сашенька был жив... за все 19 лет его бабушка ни разу не выразила желания встретиться с ним. И знаешь, что она сказала о его смерти? «Хорошо, что я не знала этого мальчика».

Софья борется сама с собой, затем достает платок, утирает слезы.

ГОЛИЦЫН: Прости, я не хотел, чтобы наш разговор напомнил тебе о Саше.

СОФЬЯ: Напомнил?! Ты думаешь, что я прожила хотя бы один день с тех пор, чтобы не вспомнить о нем?

ГОЛИЦЫН: Софи, я знаю как тебе тяжело. И поэтому я с тобой в этом путешествии. Чтобы поддержать тебя. Потому что я беспокоюсь о тебе.

СОФЬЯ: Спасибо, я это ценю. Что до меня, то мне остается лишь молить Господа о нашей с Павлом будущей жизни. *(Пауза)*. Чтобы она просто была.

ГОЛИЦЫН: А он, кажется, даже не замечает ни твоего, ни моего присутствия.

СОФЬЯ: Он просит меня сойти в Копенгагене и вернуться к детям, представляешь?

ГОЛИЦЫН *(про себя)*: Может это и не плохая идея.

СОФЬЯ: Я для него обуза.

ГОЛИЦЫН: Да он не ценит твои чувства!

СОФЬЯ: Не ценит?! О, нет... ты все-таки ничего не понимаешь. За те годы, что он был на войне, он написал мне столько писем о любви и от каждого из них у меня до сих пор льются слезы.

ГОЛИЦЫН: А, это лирика.

СОФЬЯ: Но со смертью Саши в нем самом что-то оборвалось... *(Достает платок)*.

¹ Поживём, увидим. (франц.)

ГОЛИЦЫН: Как бы то ни было, я – твой брат, и я рядом. Помни, мы с тобой Голицыны.

СОФЬЯ: Нет, я - Строганова. Прежде всего, я Строганова.

Софья допивает вино, ставит бокал на стол и уходит. Голицын остается сидеть в задумчивости, затем залпом выпивает до этих пор нетронутый бокал.

Пауза. Затемнение.

СЦЕНА ВТОРАЯ

День. Палуба корабля, солнечно. Капитан Кандлер и его помощник Борисов стоят у бортика и беседуют. Капитан Кандлер курит трубку. Художник Есаков расположился неподалеку, рисует.

БОРИСОВ: А отличный сегодня день, капитан!

КАНДЛЕР: Да, хороший день.

БОРИСОВ: И ветерок в паруса! По такой погоде в Копенгагене будем через пару часов.

КАНДЛЕР: Сынок, мы где, по-твоему, сейчас находимся?

БОРИСОВ: Эм... в водах Дании.

КАНДЛЕР: В этих краях погода переменчива как настроение красивой женщины. Видишь вдалеке те облака?

БОРИСОВ: Вижу, капитан.

КАНДЛЕР: Так вот, это не облака. Это тучи. И мы идем прямо на них. Ты когда-нибудь попадал в шторм?

БОРИСОВ: Однажды, когда мы стояли в порту в Финском заливе...

КАНДЛЕР: Можешь не продолжать. Так вот, сынок, мы сейчас в Балтийском море, а это тебе не залив. Скоро выйдем в океан. Вот там начнется веселье. А уж когда мы подплывем к мысу Рока, вот тогда ты попомнишь капитана Кандлера.

БОРИСОВ: Но ведь у нас военный фрегат! Уйма пушек!

КАНДЛЕР: И как же нам помогут пушки против шторма, парень?

БОРИСОВ: В любом случае это хороший корабль, ему волны не помеха.

КАНДЛЕР: Ты сказал хороший корабль? Это великолепный корабль! Лучший в своем роде! Его строили лучшие корабельные мастера. Про Курочкина слышал?

БОРИСОВ: А как же! Корабли строит, как орехи шелкает!

КАНДЛЕР: Это ты орехи шелкаешь, да не тем местом. А он половину нашего флота построил, да по новой науке. Не гниют! *(бьет кулаком по бортику)*.

БОРИСОВ: Не гниют! *(тоже бьет кулаком по бортику, Кандлер смотрит сердито)*.

КАНДЛЕР: Да ты знаешь, что этот корабль спустили на воду только в прошлом году в Архангельске?!

Борисов разглядывает перила. Приглядывается к чему-то.

КАНДЛЕР: А-а-а. Не обращай внимание. Это наши солдатики, будь неладны. Мы возвращали их из Франции, забирали войска домой. Да вот эта пехота, засранцы, попортили обшивку, руки у них чесались.

БОРИСОВ: Смотрите-ка, капитан, а тут похоже штыком рожицу наковыряли. Хм, кого-то она мне напоминает...борода, трубка...*(смотрит на багровеющего капитана, спохватывается, ищет, чем сменить тему)*.

Борисов постукивает по дереву.

БОРИСОВ: А ведь он лучше французских кораблей?

КАНДЛЕР: Что французских! Он лучше английских! Те строят корабли из дуба, а этот из лиственницы. *(тихо)*. На Западе, сынок, про такое еще не прознали.

БОРИСОВ: Эх, с такими кораблями, да мы им всем покажем! И еще в Америке порядок наведем!

КАНДЛЕР: Не наведем.

БОРИСОВ: Отчего же, капитан?

КАНДЛЕР: Государь решил продать корабль.

БОРИСОВ: Как? Кому?

КАНДЛЕР: А *(махнул рукой)*...ишпанцам.

БОРИСОВ: Испанцам?! Да где сейчас испанцы, а где мы? Зачем им корабли?!

КАНДЛЕР: А затем, что «чалйцы» в Америке, *(с сомнением смотрит на Борисова)*, слыхал о них? Скинули власть ишпанцев! А тем нужны корабли. Вот их король к нашему Александру и со слезами припал, да и испросил корабли.

БОРИСОВ: Вот шельмец этот король!

КАНДЛЕР: Хорошие деньги посулил. Черт.

БОРИСОВ: Дак ведь нам самим корабли нужны!

КАНДЛЕР: Нам теперь после войны деньги нужны.

БОРИСОВ: Ну не знаю, тут надо подумать.

КАНДЛЕР: А тебе тут думать не о чем. Государь уже обо всем подумал. Калифорнию на что-то держать надо? *(загибает пальцы)*

БОРИСОВ: Надо.

КАНДЛЕР: Аляску надо?

БОРИСОВ: Надо.

КАНДЛЕР: Сахалин кормить надо? Чукчей, алеутов...китайцев. Вот. Всем деньги нужны.

БОРИСОВ: Хм, китайцы-то не наши. Вроде.

КАНДЛЕР: Много ты понимаешь! А все равно.

БОРИСОВ: Точно, все равно обидно.

КАНДЛЕР: Да не дрейфь, наш Государь не так прост. Он подготовил к продаже пять линейных кораблей и три фрегата. *(шепотом)*. Да из них хорош только наш один. Остальные еще по чертежам Петра, говорят, строили.

БОРИСОВ: Да-а...а все равно жалко. Наш Святой Патрикий просто красавец!

ЕСАКОВ: Простите, Господа, что вторгаюсь в вашу беседу, но я с вами полностью согласен – Святой Патрикий великолепен! Я бы ни за что не отдал его испанцам.

КАНДЛЕР *(напрягшись)*: Ермолай Иваныч, да будет вам известно, что на данный момент это государственная тайна! И кроме меня, и моего помощника на этом корабле об этом знать не должен. А иначе мне придется...

ЕСАКОВ: Тише-тише, я не хотел вас сердить, капитан. Буду нем как рыба. *(пауза)*. А все-таки, зачем испанцам, лучше бы чилийцам.

КАНДЛЕР: А это не нашего с вами ума дело, господа. Об этом только Государь и Бог-Отец-наш-Вседержитель ведает, как поступить надобно.

На палубу выходит Павел Строганов в домашней одежде, опираясь на трость. Идет медленным шагом, чуть сгорбившись, вид болезненный. Когда видит капитана, распрямляется. Рядом идет его адъютант Безобразов, страхуя, чтобы тот не оступился.

КАНДЛЕР: Ваше Сиятельство, доброе утро!

Остальные слегка кланяются. Павел пытается изобразить улыбку.

ПАВЕЛ: Доброе утро, капитан! Доброе утро, господа.

ЕСАКОВ: Как ваше здоровье, дорогой граф?

ПАВЕЛ: Благодарю, Ермолай, но не задавайте вопросов, на которые знаете ответ. Покажите лучше ваши рисунки.

ЕСАКОВ: О, это только эскизы! *(протягивает папку)*. Виды, снятые в путешествие водой от Кронштадта до Лиссабона в 1817 году.

ПАВЕЛ: Звучит поэтично.

ЕСАКОВ: Вы знаете, я люблю точность во всем.

ПАВЕЛ: Да, поэтому я вас очень попрошу изменить одно слово.

ЕСАКОВ: Какое же, Ваше Сиятельство?

ПАВЕЛ: Замените Лиссабон на Копенгаген.

ЕСАКОВ: Но позвольте, Ваше Сиятельство...

ПАВЕЛ: Я настаиваю, Ермолай. Я очень ценю, то, что вы поехали со мной...

ЕСАКОВ: Куда вы, туда и я, граф!

ПАВЕЛ: ...и ценю, что вы были учителем у моих дочерей...

ЕСАКОВ: Лучшие дни моей жизни!

ПАВЕЛ: ...и бывали со мной в полку...

ЕСАКОВ: Нет, вот это были лучшие дни!

ПАВЕЛ: ...но вы мне не можете ничем помочь здесь на корабле.

ЕСАКОВ: Павел Александрович! Помилуйте!

ПАВЕЛ: У вас прелестная жена, дочка родилась недавно. Возвращайтесь к семье.

ЕСАКОВ: Прелестная дочка, но от ее крика у меня совсем не выходит рисовать...

КАНДЛЕР (*Борисову*): Видал, какой хитрец. Рисовать ему надо.

БОРИСОВ (*Кандлеру*): А что, хорошее дело.

КАНДЛЕР (*Борисову*): Хорошее дело? Да я бы все его краски за борт выкинул. Только кляксы садит, пижон.

ПАВЕЛ: Капитан, скоро мы будем в Копенгагене?

КАНДЛЕР: Часа через три, три с половиной, Ваше Сиятельство.

ПАВЕЛ: Вот и хорошо.

На палубу вбегает молодой барон Александр Строганов, наряженный в пирата: шляпа на голове, повязка на один глаз, приделанная борода. Есаков в это время торопливо уходит, схватившись за голову.

АЛЕКСАНДР: Полундра! Свистать всех наверх!

ПАВЕЛ: Господи, во что вы нарядились, барон?

АЛЕКСАНДР: Барон Рыжая борода! Капитан, скоро мы прибудем на Тортугу?

КАНДЛЕР: Александр Григорьевич, я в ваши игры не играю.

БОРИСОВ: К вечеру будем на месте, господин рыжая борода!

Кандлер осуждающе смотрит на Борисова.

АЛЕКСАНДР: Ну, вот и отлично! Капитан, распорядитесь палить из всех пушек! Пираты не любят тишины!

КАНДЛЕР: Барон, если мы будем палить из всех пушек в водах Дании, это может обернуться дипломатическим скандалом.

АЛЕКСАНДР: Какой вы скучный! Одно радует, с пиратским флагом на мачте нас везде ждет теплый прием.

Все смотрят наверх, Александр ликует, Безобразов и Борисов пытаются сдерживать смех, капитан багровеет.

КАНДЛЕР: Что?! Кто посмел?! Борисов, ты куда смотрел?! Немедленно снять!

БОРИСОВ: Есть, капитан! (*убегает*)

КАНДЛЕР: Не знаю, как вам это удалось, барон, но это не смешно! А если бы сейчас мы встретили чей-нибудь патруль?

АЛЕКСАНДР: Наш Святой Патрикый задал бы им жару!

Слышат где-то из трюма песни, пляски, смех. «Йо-хо-хо и бутылка рома».

КАНДЛЕР: А это еще, черт, что такое?!

АЛЕКСАНДР: Я полагаю, пираты отмечают день рождения нашего графа. Вы что, против, капитан?

КАНДЛЕР: Против?! Какого черта они так шумят?!

АЛЕКСАНДР: По пиратскому обычаю в этот день вся команда должна выпивать не менее десяти бочек рома. Это подарок от Рыжей бороды!

КАНДЛЕР: Что? Вы отдали наши торговые запасы рома матросам?! Это уже ни в какие ворота не входит! Ваше сиятельство, воздействуйте на вашего племянника, это уже слишком!

ПАВЕЛ: Капитан, вы, правда, считаете, что барон рыжая борода мой племянник?

КАНДЛЕР: Черт-те что происходит! Борисов!!! А ну слезай оттуда! Быстро за мной! (*убегает*).

ПАВЕЛ: Вы ведете себя как ребенок, барон! Вы должны покрыть капитану все расходы.

АЛЕКСАНДР: Никаких расходов, Ваше Сиятельство! Я просто сказал, что у капитана сегодня родился сын.

БЕЗОБРАЗОВ: И никто не поинтересовался, откуда вы об этом узнали?

АЛЕКСАНДР: Никто. Моя новость была встречена бурными овациями.

ПАВЕЛ: И никакого рома?

АЛЕКСАНДР: Ну-у... один маленький бочонок.

ПАВЕЛ (*с укоризной*): Где вы, барон, там всегда какие-то шалости и озорство. И полный беспорядок.

АЛЕКСАНДР: Поэтому я с вами. Не все же вам смотреть на кислое выражение князя! *(пытается его изобразить)* «Якобинцы, вокруг одни предатели якобинцы!»

ПАВЕЛ: Осторожнее с ним, барон. Он опасный человек.

АЛЕКСАНДР: Мы тоже не из этих. Да, как ваше самочувствие? *(поднимает с глаза повязку, перестает дурачиться)*.

ПАВЕЛ *(отстраненно)*: Не стоит омрачать это утро разговорами о моем здоровье.

БЕЗОБРАЗОВ: Вам станет легче, как только мы выйдем из Балтийского моря. Барон, вы слышали что-нибудь о Ледяном походе?

АЛЕКСАНДР: Ледяном походе?!

БЕЗОБРАЗОВ: 8 лет назад мы со шведами воевали, как вы помните. Весьма успешно-с. Тогда уже и Финляндию взяли. Но Швеция все сдаваться не хотела.

ПАВЕЛ: Укрылась за заливом. По суше обходить – половина не дойдет.

БЕЗОБРАЗОВ: Начало марта, скоро распутица. И тут ударяют страшные морозы! И пролив замерзает!..

ПАВЕЛ: Такого раньше не было никогда.

БЕЗОБРАЗОВ: Божий промысел. И Багратион вместе с графом переходят по льду из Финляндии прямо к Стокгольму через залив!

ПАВЕЛ: 300 верст.

БЕЗОБРАЗОВ: Несколько ночей пришлось провести прямо на льду под гул февральских ветров...

АЛЕКСАНДР: С ума сойти! И что шведы?!

БЕЗОБРАЗОВ: Растворились в тишине. Мир подписан, Финляндия наша!

ПАВЕЛ: Григорий, вам надо книги писать!

БЕЗОБРАЗОВ: О, у меня еще много историй. Но я думаю, что именно тогда вы сильно переохладились, и потом все эти болезни... *(пауза)*. Это я не доглядел!

ПАВЕЛ: Ерунда.

Из трюма слышны ругательства капитана, треск, песни матросов миглом умолкают.

БЕЗОБРАЗОВ: А все-таки Балтийское море мы скоро оставим.

АЛЕКСАНДР: И я надеюсь, вам скоро полегчает, дорогой граф. Уже этим вечером! По большому секрету, графиня готовит для Вас сюрприз.

ПАВЕЛ *(скривившись)*: Не стоит этого. Мне надо с вами поговорить, барон. *(Отводит его в сторону)*. Я очень благодарен, что вы составили мне компанию в этом путешествии, но хочу попросить вас оставить меня в Копенгагене вместе с остальными сопровождающими.

АЛЕКСАНДР: Это невозможно, Ваше сиятельство! Я поклялся, что буду рядом с вами.

ПАВЕЛ: Кому поклялись-с, сударь?

АЛЕКСАНДР: Господу Богу...и моему папа.

Павел вздохнул и улыбнулся.

ПАВЕЛ: Перед Господом Богом я вас отмолю. А моему доброму брату передайте поклон. Да и поезжайте к нему в стамбульскую миссию. Обещаю, в скором времени все самые интересные события у нас будут разворачиваться с турками на Балканах.

АЛЕКСАНДР: Прошу вас, граф, вы убиваете меня вашими просьбами, как я могу оставить вас.

ПАВЕЛ *(тише)*: Александр, ты мне как сын. И ты также добр и...упрям, каким был он. Но ты должен слушаться меня, так надо. Ты мне тут ничем не поможешь.

АЛЕКСАНДР *(чуть слышно)*: Пожалуйста...

ПАВЕЛ *(обнимая за плечи барона)*: Хоть один Строганов должен сопроводить мою супругу в обратном путешествии. Я поплыву дальше один. Она не должна все это видеть.

Александр пытается еще что-то сказать, но в это время на палубу входит Софья вместе с Есаковым. Оба вопросительно смотрят на барона в костюме пирата, но быстро вспоминают, зачем пришли.

ЕСАКОВ: Просите, Ваше Сиятельство, но может хоть графине удастся вас переубедить.

Павел и Софья пристально смотрят друг на друга.

СОФЬЯ: Значит, вы решили, граф, высадить всех нас в Копенгагене, а дальше плыть в одиночку.

ПАВЕЛ: Софи...я буду не один, в конце концов. Со мной поплывут дальше экипаж, доктора.

СОФЬЯ: А как же мы?!

ПАВЕЛ: Хватит вам смотреть на живой труп! Вам всем нужно возвращаться к своим семьям. Довольно.

СОФЬЯ: Ты говоришь о семье, но прогоняешь нас. Мы твоя семья.

ПАВЕЛ: Я даже не надеюсь на понимание.

СОФЬЯ: aimez-vous encore votre famille? ²

ПАВЕЛ: tu sais.³

СОФЬЯ: Мы останемся с тобой!

ПАВЕЛ (*громко и строго*): На этом корабле хоть кто-то может сделать, о чем я прошу?!

СОФЬЯ (*обращаясь ко всем*): Господа, у графа сегодня день рождения. Он как всегда хочет от нас скрыться в этот день. (*подходит к Павлу*). Но на корабле вам это не удастся, mon cher ami. (*ко всем*). В пять я всех жду в нашей кают-компании. Мы будем пить кофе и веселиться. И вы будете веселиться, граф!

АЛЕКСАНДР (*надевая повязку*): Йо-хо-хо! И чашечка кофу!

ПАВЕЛ: Софи, мне это не нужно, я говорил тысячу раз. Оставьте меня в покое!

СОФЬЯ: А я повторю в тысяча первый: Ce que femme veut, Dieu le veut.⁴

АЛЕКСАНДР: Что хочет женщина, то хочет Бог.

ПАВЕЛ (*после молчания*): Даже с Наполеоном было проще.

Окидывает всех взглядом и уходит. Безобразов бежит за ним.

Затемнение.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

У дверей в личные покои графа Строганова стоит адъютант, осматривается, будто кого-то ожидает. В комнате слышен сильный кашель. Двери приоткрываются, из-за них выглядывает Павел, в руке у него лист исписанной бумаги.

ПАВЕЛ: Да где же они, черт.

БЕЗОБРАЗОВ: Будут вот-вот. Я им сказал, чтобы они поторопились.

ПАВЕЛ: Еще говорят, что немцы самые пунктуальные в мире.

БЕЗОБРАЗОВ: Не волнуйтесь, Ваше сиятельство. Как только они придут, я сразу доложу.

Павел скрывается в дверях. Вскоре появляются доктора Абе и Герт.

АБЕ: Что случилось? Граф никогда раньше нас не вызывал к себе днем.

ГЕРТ: У него случился приступ?

АБЕ: Я говорил, что ему становится хуже.

БЕЗОБРАЗОВ (*тихо, оглядываясь*): Господа, я должен вам кое-что сказать. Быстро. Но только это между нами.

ГЕРТ: Разумеется. Мы доктора.

АБЕ: Вы что думаете, мы сейчас же пойдем и обо всем доложим капитану Кандлеру?

БЕЗОБРАЗОВ: Просто я не знаю, может и не стоит вам говорить, может это глупость.

АБЕ: Да что Вы тянете, говорите, что знаете.

БЕЗОБРАЗОВ: Дело в том, что Его Сиятельство... не спит по ночам от того, что с кем-то разговаривает.

ГЕРТ: С кем-то разговаривает?

БЕЗОБРАЗОВ: Ну, вернее не с кем-то, а сами с собой.

Абе и Герт переглянулись.

АБЕ: И о чем же их Сиятельство разговаривает?

БЕЗОБРАЗОВ: Вы что думаете, я подслушиваю?!

ГЕРТ: Ну, что-то наверняка вы услышали?

БЕЗОБРАЗОВ (*колеблясь*): Ну, совсем немного.

АБЕ: Так говорите же!

БЕЗОБРАЗОВ: Он будто перед кем-то просит прощения, а потом наоборот... выкрикивает такие проклятия, что мне не по себе.

² Любишь ли ты еще свою семью? (франц.)

³ Ты знаешь. (франц.)

⁴ Что хочет женщина, то хочет Бог. (франц.)

ГЕРТ: Что-нибудь еще?

БЕЗОБРАЗОВ: Все. Но понимаете, я служу у него уже пятый год и никогда прежде не слышал такого и не замечал за ним...

Абе и Герт вновь переглянулись.

АБЕ: Видите ли, Ваше благородие, тут ничего страшного нет.

ГЕРТ: Такое со многими случается в моменты душевного беспокойства.

АБЕ: А разговор с самим собой даже полезен. Особенно, если это разговор с умным человеком.

ГЕРТ: Каким вне всякого сомнения является граф.

АБЕ: Вот если бы доктор Герт говорил сам с собою, то это было бы поводом для беспокойства.

ГЕРТ: К счастью, доктор Абе, вы никогда не замолкаете и у меня не случается секунды для разговора со своим внутренним Я.

БЕЗОБРАЗОВ: Господа, я вам все сказал. А дальше решать вам.

АБЕ: Спасибо. На то мы и доктора.

БЕЗОБРАЗОВ: Только знайте, он очень плох. Гораздо хуже, чем можно подумать о нем на первый взгляд. Он скрывает.

АБЕ: К сожалению, современная медицина еще не нашла лекарства от душевных мук.

ГЕРТ: Но от всего остального у нас есть некоторые средства.

БЕЗОБРАЗОВ: Я надеюсь. И не дайте ему знать о нашем разговоре.

АБЕ: Можете быть покойны.

БЕЗОБРАЗОВ (*громко*): Ваше Сиятельство, доктор Абе и доктор Герт.

Доктора заходят в комнату.

Затемнение.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кают-компания корабля. За круглым столом сидят Голицын, Капитан Кандлер, художник Есаков, барон Александр Строганов. На столе еда, вино. Рядом в центре в кресле сидит Павел. Рядом с ним стоит его адъютант. Чуть поодаль стоит помощник Кандлера Борисов. Все мужчины одеты в парадные военные мундиры. Софья в строгом, очень элегантном вишневого цвета платье за роялем играет мелодию. Все внимательно слушают, иногда переговариваясь между собой, но все внимание на Софью.

Аплодисменты.

ГОЛИЦЫН: Браво, Софи. Вы как всегда великолепны!

АЛЕКСАНДР: Клянусь, никогда не слышал ничего подобного!

СОФЬЯ: О, барон, вы слишком рано ушли на войну и не успели вкусить все прелести светской жизни. Тогда бы вы с легкостью определили эту мелодию, чрезвычайно популярную в Европе.

АЛЕКСАНДР: Но что это?

ПАВЕЛ: Stabat Mater. Средневековая католическая секвенция.

СОФЬЯ: Перголези вдохнул в нее новую жизнь. Граф Александр Сергеевич так любил ее, что сделал гимном рода Строгановых.

ЕСАКОВ: Признаться, и меня потрясла эта мелодия до глубины души.

СОФЬЯ (*обращаясь к Есакову, но смотря на Павла*): Это история о последних страданиях Христа на Голгофе и о слезах Божией Матери по нему.

Звучит Stabat Mater, на фоне музыкального произведения внутренний диалог Павла и Софьи.

Stabat mater dolorosa
juxta Crucem lacrimosa,
dum pendeat filius.⁵

Все замирают.

ПАВЕЛ: Quis est homo qui non fleret,
Christi matrem si videret
in tanto supplicio?⁶

⁵ Стояла мать скорбящая
Возле креста, исполненная слёз,
Где распят Сын.

⁶ Какой же человек останется равнодушным,
Видя мать Христа
В таком унижении?

СОФЬЯ: О, мать, источник любви!
Дай мне почувствовать силу скорби,
Чтобы я могла плакать с тобой.

ПАВЕЛ: Сделай так, чтобы загорелось мое сердце
Любовью ко Господу Христу,
Чтобы я был в мире с Ним.

СОФЬЯ: Твоего израненного Сына муки,
что соизволил страдать из-за меня,
Дай с тобою разделить.

ПАВЕЛ, СОФЬЯ: *Amen.*

(пауза)

ГОЛИЦЫН: А я хочу сказать тост! *(в это время слуга разливает вино).*

ЕСАКОВ: Превосходно! Просим, просим!

ГОЛИЦЫН: Наша жизнь полна неприятностей. *(драматическая пауза).*
Иногда нам кажется, что Господь взвалил на нас слишком тяжкий крест.
(Пауза, Голицын оглядывает всех, задерживает взгляд на Павле). Но нет
такого креста, который бы не вынес русский человек!

ЕСАКОВ: Да-да, как верно! Простите, Светлейший, продолжайте!

ГОЛИЦЫН: Мы испокон веков находились в тяжелейших условиях, в кольце
врагов. Но выжили и преуспели! Сейчас мы на вершине славы в Европе. Да и
в Америке. Предлагаю поднять бокал за великий русский народ, который не
сломить ничем и который обретет великое счастье в скором будущем! Ура!

КАПИТАН, ЕСАКОВ, АЛЕКСАНДР: Ура-ура-ура! *(ударяют бокалами)*

Входят запыхавшиеся доктор Абе и доктор Герт.

АБЕ: Простите господа и сударыня – Oh, Mein Gott! Вы сегодня просто
очаровательны! Простите за наше опоздание.

ГЕРТ: Наша остановка в Копенгагене совсем непродолжительная. Надо было
успеть купить в городе кое-что.

АБЕ: Мы спешили, как могли.

ГЕРТ: Да, мы вернулись бы еще быстрее, если б Вы, герр Абе, не захотели
встретиться с этим болтуном Фредериком.

АБЕ *(извиняясь)*: Мне было интересно узнать о его новом методе лечения
настояем дегтя.

АЛЕКСАНДР: Слава богу, а я уж думал это ваши новые благовония, доктор.

Общий смех.

АБЕ: Молодой человек, в ваши годы я тоже не разбирался в благовониях.

Новый приступ смеха.

АЛЕКСАНДР: Ну что же вы стоите, присаживайтесь господа.

ЕСАКОВ: Ну вот, теперь все в сборе. Если позволите, я сделаю эскиз.

КАНДЛЕР *(с легким ворчанием)*: Художник. Все время рисует.

ПАВЕЛ: Он превосходный художник, капитан. Семь лет назад он
сопровождал меня в Молдавию во время войны с турками. И Ермолай
написал там картину «Русский лагерь под Силистрией», за что вскоре
получил звание академика Императорской академии художеств.

ЕСАКОВ: Большая честь для меня сопровождать вас, граф. Все образуется
вашиими молитвами.

ПАВЕЛ: Моими молитвами ваши эскизы не попали в руки врага. Ермолай
Иванович с особой достоверностью зафиксировал нашу диспозицию. И еще
дописал неких турецких дам с нашими офицерами.

ЕСАКОВ: Русский солдат без женского внимания не может-с.

ГОЛИЦЫН: Отчего ж, только русский солдат? Русскому офицеру без
дамского внимания может даже и тягостней.

БЕЗОБРАЗОВ *(мечтательно)*: Да, самое тяжелое на войне это было не видеть
mon amour.

БОРИСОВ: Это что-о-о. Вот в плавании мы вообще женского полу годами не
видим...

КАНДЛЕР: А ты что, до плавания можно подумать много женского полу
видел?

Общий смех.

СОФЬЯ: Господа, я вижу, что разговор у вас зашел в определенную
плоскость.

ГОЛИЦЫН: Поэтому мой новый тост – за прекрасных дам! А именно
за самую обворожительную графиню... *(с акцентом)* и княгиню! Самую
лучшую супругу и мать во всем мире, и мою любимую сестру.

ВСЕ: За графиню!

ПАВЕЛ: *(смотря на Софью, спокойно)* За тебя.

Пьют, смеются.

ГОЛИЦЫН: Софи, а сыграй нам еще что-нибудь. Но только еще обязательно
спой. Ты чудо как хорошо поешь!

СОФЬЯ: Ой, нет, братец, вы так веселы, боюсь, вам не понравятся мои пения.

ВСЕ: Просим, просим.

СОФЬЯ: Только если mon cher ami будет не против.

ГОЛИЦЫН: Да они не против, так ведь, Ваше Сиятельство?

ПАВЕЛ: Я не против.

ГОЛИЦЫН: Ну, вот видишь! Играйте, сударыня, пойте.

*Софья садится за рояль. Долго настраивается, разговоры умолкают.
Начинает играть и петь романс.*

СОФЬЯ: Ах! прошли, прошли
Наши красные дни,
Наши радости
Буйный ветер унес!
Мне отец родной
И родная мать
Под венец идти
Не с тобой велят.

ПАВЕЛ: *(тихо обращаясь к Безобразову, так чтобы никто не заметил)*
Прощу вас, передайте это письмо графине сегодня вечером.

БЕЗОБРАЗОВ: Как скажете, сударь.

СОФЬЯ: Не горят в небесах
По два солнышка,
Не любить двух разов
Добру молодцу!..
Я послушаюсь отца, матери,
Под венец пойду
Не с тобой, душа!
Обвенчаюся
Я с иной женой,
Я с иной женой –
Смертью раннею!..

(Слова Н. Цыганова, музыка А. Варламова – прим. авт.)

После небольшой паузы всеобщие аплодисменты.

ГОЛИЦЫН: Bravo!

АЛЕКСАНДР: Ну, чудо как вы хороши, сударыня.

ЕСАКОВ: И как пронзительно. Признаться, я сломал карандаш, как только вы начали петь. Это все от глубины чувств!

СОФЬЯ: Надеюсь, у вас есть еще один. У нас впереди еще длинное путешествие.

ПАВЕЛ *(тихо)*: Софи, я...

ГОЛИЦЫН: В такой музыке и в таких словах соединена вся русская душа! Никто в Европе бы не понял этих слов. Только наша многострадальная истерзанная...

СОФЬЯ: Светлейший, вас послушать, так вы самый бедный и истерзанный человек на земле. *(смеется)*.

ГОЛИЦЫН: А может так оно и есть.

ЕСАКОВ: Но ведь вы самый богатый человек империи, князь. Богаче вас может быть только вон разве что граф Строганов, да сам Император!

ГОЛИЦЫН: Э, нет, мы с графом будем побогаче Императора. Так, Ваше Сиятельство?

ПАВЕЛ *(неохотно)*: Мое богатство в людях наших. А ваше, князь, все в руках вашей матушки.

На стене на секунду появляется силуэт пиковой дамы, но никто этого не замечает, зато был слышен вдалеке раскат грома.

ЕСАКОВ: О, гром... а такая была хорошая погода.

ГОЛИЦЫН: Вы что же, думаете, что у меня нет средств к существованию, граф?

ПАВЕЛ: Нет, я лишь радуюсь за вас, что ваша матушка все еще находится в добром здравии и способна управлять всеми имениями.

АЛЕКСАНДР: Вот именно! Здоровье – это то, о чем мы молим Господа Бога нашего. Позвольте мне поднять этот бокал за нашего дорогого графа Строганова! Вам сегодня 43 года. Но за вашу жизнь вы уже многое испытали, и через многое прошли. Я помню, как говорил ваш батюшка: человеческая память избирательна. Все плохое она оставляет в прошлом, а все хорошее остается с нами надолго. Я верю, что впереди у вас много светлых дней, граф! За вас и за ваше здоровье!

ВСЕ *(кроме Голицына)*: За здоровье графа и долгих лет!

ПАВЕЛ: Благодарю вас. Всех благодарю.

Павел тяжело приподнимается из кресла, опираясь на трость, словно собирает что-то сказать, но Александр громко продолжает.

АЛЕКСАНДР: А ведь подумать только какие времена были! Времена героев! Вот наш сиятельный граф Павел Александрович. Всю юность прожил во Франции, потом со своим учителем побывал едва ли не во всем мире, и во Французской революции поучаствовал – а, каково! И турков бил, и Наполеона бил...о-о-о, вот было время!

БЕЗОБРАЗОВ: А что же сейчас, плохое время?

АЛЕКСАНДР: А сейчас какое время? Наполеон на острове Святой Елены,

поди оттуда не сбежит (*с сожалением*)... все успокоились, залечивают раны, никому ничего не надо.

КАНДЛЕР: По мне так замечательное время.

АЛЕКСАНДР: Это вы капитан весь мир повидали в своих плаваниях. А я что? Только в заграничном походе бывал. Ну да, дошел до Парижа. А что с того? Разве общался с кем, видел что? Только пустые деревни, да наши армейские палатки.

ГОЛИЦЫН: Барон, вот мы сейчас начинаем войну на Кавказе. Долго она не продлится – эти горцы даже пушек не видели. Легкая прогулка. Идеально для того, чтобы без всяких рисков повесить себе Georgia.

ПАВЕЛ: Побойтесь Бога, князь. Поход на Кавказ не будет прогулкой. Увязнем.

ГОЛИЦЫН: Я понимаю, нам с вами было бы уже неудобно прыгать по горам, граф. Но для нашего дорогого барона – это сущий пустяк, приключение.

ПАВЕЛ: Кавказ – это не далеко не пустяк. Это игра с огнем.

КАНДЛЕР: Скажу мнение старика: хватит нам войн!

СОФЬЯ: Bravo, капитан! Где война – там разруха и смерть. Во что превратилась Москва? Что стало с Европой, с Францией?

ГОЛИЦЫН: Что стало с Францией мне совершенно безразлично, они сами напросились.

ПАВЕЛ: Войны развязывают политики, а страдают простые люди.

ГОЛИЦЫН: Простые люди казнили своего законного короля – помазанника Божьего.

ПАВЕЛ: Может быть, у них были на то свои причины...

ГОЛИЦЫН: Опасные речи ведете, граф. Но за что они боролись – на то и напоролись. Вот и ваш Наполеон объявил себя императором. Но теперь нашими стараниями законная монархия восстановлена.

СОФЬЯ: Вот и славно! Дорогой барон, у вас все впереди. Франция – прекрасная страна, мы с Павлом провели там всю юность. Обязательно побывайте там, когда все успокоится. Лучшие головы, лучшие развлечения – скоро все вернется в Париж.

ГОЛИЦЫН: Санкт-Петербург. И Москва, когда мы ее заново отстроим. Вот где всё будет, весь мир вокруг России сейчас как волчок завертится. А от Запада этого горе одно для нас, русских.

ПАВЕЛ: Какое же горе, князь?

ГОЛИЦЫН: Разврат кругом, дома публичные на каждом шагу. Пьянство – вы

посмотрите. Там, что не дом, все свое вино гонят. Все пьют с утра до вечера, и едят, постов православных не соблюдая.

ПАВЕЛ: Но у них своя вера и свои посты.

ГОЛИЦЫН: Их вера в руках Папы, нам это давно известно.

ПАВЕЛ: Ну, уж не вся Европа, вот Дания, где мы сейчас стоим. Тут власти папы нет. Как и среди всех стран, что проплывали и еще будем проплывать. Запад разный.

ГОЛИЦЫН: Вот вы граф все обеляете Запад, либеральничаете! Хотите, чтобы мы жили по-европейски. Крестьянам свободу дать хотите, Конституцию.

ПАВЕЛ: Да, хочу.

АЛЕКСАНДР: Светлейший, а что в этом плохого?

ГОЛИЦЫН: А разве что-то хорошее обсуждают по углам? Мы в курсе этого тайного «Союза спасения», как они себя называют.

АЛЕКСАНДР: Вы знаете?!

ГОЛИЦЫН: О, барон, их фамилии хорошо известны: Муравьев-Апостол, князь Трубецкой, еще ряд известных нам всем персон. По лезвию ножа ходят.

КАНДЛЕР: Это все «машоны» эти...

ПАВЕЛ: Капитан, мой батюшка был масоном.

КАНДЛЕР: Гм.

ГОЛИЦЫН: Да только Император наш раньше прозрел. Понял, к чему это все ведет. И свернул все эти ваши либеральные реформы. Вам граф также следовало бы занять правильную сторону. Вместе с сильными.

ПАВЕЛ: Я свою сторону не выбирал. Свобода либо есть внутри тебя, либо ее нет.

Голицын наливает себе бокал, отпивает.

ГОЛИЦЫН: О, ну конечно! Вы ведь эту свободу приняли с самых ранних лет – вы ведь и в якобинском кружке успели побывать во время революции, так?

ПАВЕЛ: Был молод.

ГОЛИЦЫН: И даже конспиративное имя себе взяли помнится, как там... Поль Очер!

ПАВЕЛ: Вы очень хорошо помните мою биографию, князь.

ГОЛИЦЫН: Вы умели привлечь к себе внимание.

СОФЬЯ: Давайте поговорим о чем-нибудь другом, господа.

ПАВЕЛ: Умение привлекать к себе внимание – как вы заметили, князь,

это свойство неординарных и умных личностей. Какой, кстати, является уважаемая и любимая мной ваша с Софьей матушка. Все помнят о ее приятственной близости с Сен-Жерменом, и историю про три заветные карты. Но я не вижу в том ничего предосудительного, а даже наоборот – восхищаюсь ей, и ее преданной любовью ко Франции!

Пока Павел говорит, Голицын осушает очередной бокал.

ГОЛИЦЫН: Во Франции она лишь научилась блестяще играть в карты и делать на этом хорошие деньги. А Сен-Жермена потомки рассудят.

СОФЬЯ: Но это сюжет для иного романа. Господа, давайте оставим все наши воспоминания о прошлом.

ГОЛИЦЫН: Отчего же, Софи? Граф хотел поговорить о французских высоких отношениях.

СОФЬЯ: Дмитрий.

ГОЛИЦЫН: А что, мне интересно! Сам-то ведь я не был так популярен в юные годы.

ПАВЕЛ: Полагаю, что вы просто с пеленок были столь пуританского нраву.

ГОЛИЦЫН: О, извольте! Просто я не был так красив, чтобы на меня могла обратить внимание первая женщина Парижа...

Напряжение в воздухе.

... пусть даже ее положение в обществе было весьма, как бы это сказать, сомнительно.

ПАВЕЛ (*встает, сжимает трость*): Князь, будьте осторожнее.

СОФЬЯ (*тихо, одному Голицыну*): Дмитрий, прекрати.

ГОЛИЦЫН: А что я говорю? Помянутый все Сен-Жермен был видной фигурой во Франции. Дворянин! А этот скандал с французенкой тогда опозорил все русское дворянство! Но ты права, не будем об этом.

Павел вспыхивает, бьет тростью по столу.

ПАВЕЛ: Вы забываетесь, князь! (*Софья подбегает, вместе с Безобразовым они пытаются удержать его*). Грешно упрекать юностью, мне тогда было 17! И потом я каялся в своем увлечении. Наши пути разошлись.

ГОЛИЦЫН: Ну конечно разошлись. Вы вернулись в Россию к своим дворцам и балам...

СОФЬЯ: Дмитрий, вы знаете, что это неправда!

ГОЛИЦЫН: ... а она оканчивает свою жизнь в доме для душевнобольных, будучи перед тем забавой для портовых моряков.

Софья вскрикивает. Павел кидается навстречу Голицыну. Безобразов его сдерживает.

ПАВЕЛ: Что вы несете, князь! Вашим дурным пьяным фантазиям нет предела!!!

ГОЛИЦЫН: Кажется, мне наконец удалось вывести вас из вашего полуобморока. Я снова вижу ваши эмоции, граф! И какие! Страсти Строганова! (*хохочет*).

ПАВЕЛ: Сатир несчастный!

СОФЬЯ: Умоляю, успокойтесь!

АБЕ: Прошу вас, граф, вам нельзя нервничать. Князь, будьте благоразумны!

ПАВЕЛ: Извинитесь, князь, за ваши слова, иначе мне придется...

ГОЛИЦЫН: Извиняться? За что? За правду? Вон спросите у вашего доктора Абе, о чем он говорил сегодня со мной перед обедом?

Абе бледнеет и пятится по стенке.

АБЕ: Я? Я?? Я ничего не знаю...

ГЕРТ: Светлейший, вы что, хотите сказать, что та история про несчастную женщину имеет какое-то отношение к нашему милому графу?

ПАВЕЛ: Какая еще история?!

ГОЛИЦЫН: О, вы оцените! (*Слугам*) Вина!

СОФЬЯ: Вам хватит вина, князь.

ГОЛИЦЫН: Такая история, в горле пересохло. Доктор Абе любезно рассказал мне одну притчу про одну крайне популярную в мужском обществе революционерку, - о, тут он особенно не упустил подробностей!

АБЕ: (*икает*)

ГОЛИЦЫН: Эту куртизанку, скажем прямо, в те дни прилюдно избili до полусмерти ревнивые торговки. Оставшись совершенно нагой и с остриженными волосами, некогда прелестная мадмуазель превратилась в обычное развлечение для всякого отребья.

СОФЬЯ: Князь, подбирайте слова.

ГОЛИЦЫН: Софи, я и так опускаю все горячие подробности. Она бы и закончила так свои дни, если бы ее не подобрал приятель доктора Абе и не упек в дом для умалишенных, где она сегодня и коротает свой век. Должен признаться, что я без особого интереса слушал эту историю, пока доктор не обронил ее имя...

АБЕ (*дрожащим голосом*): Теруань де Мерикур.

ПАВЕЛ (*опускаясь в кресло*): Нет... Анна...

ГЕРТ: Вы хотите сказать?..

ПАВЕЛ: Это вымышленное имя. Анна-Жозефа Тервань. Анна.

ГОЛИЦЫН: Bravo! Однако должен посочувствовать бедняжке. Свобода, за которую она так боролась, ваша любимая свобода, граф, обошлась с ней слишком жестоко.

ПАВЕЛ (*тихо*): Я ничего не знал.

ГОЛИЦЫН: Ну, разумеется, у вас были свои заботы, Павел Александрович. Вскоре вы встретили мою сестру.

СОФЬЯ (*подбегая к Павлу и падая на колени, обнимает его руки*): Это все сейчас не имеет никакого значения! А вам, Дмитрий, должно быть стыдно вынести этот разговор сейчас, при людях, да еще в самый острый момент.

ПАВЕЛ (*тихо*): Нет, Софи, я всюду виноват.

ГОЛИЦЫН (*держит в руках полный бокал вина*): Позвольте же мне закончить.

СОФЬЯ: Остановись!

ГОЛИЦЫН: Осталась самая малая, крайне незначительная казалась бы деталь...

АЛЕКСАНДР (*подскакивает*): Мне кажется, мы сегодня и так уже наслышались слишком многого. Какая низость, князь!

ГОЛИЦЫН: О, юный барон! В ваши годы для меня это все тоже казалось бы удивительным.

ГЕРТ: Ради Бога, господа, перестаньте. Подумайте о его здоровье!

ПАВЕЛ: Нет, пусть скажет!

ГОЛИЦЫН: Ваша прилюдное покаяние вызывает уважение, граф.

ПАВЕЛ: Оно не для вас.

ГОЛИЦЫН: Разумеется. А самый последний нюанс касается одного крайне романтического совпадения. Эта госпожа, хи-хи, Теруань сейчас находится в Копенгагене в той самой клинике, о которой я говорил. И как мне поведал доктор Абе, ее состояние оставляет желать лучшего – со дня на день она предстанет перед Господом.

ПАВЕЛ (*обращаясь к Абе*): Она правда здесь?

АБЕ: Да.

СОФЬЯ: Это все прошлое!

ГОЛИЦЫН: А мы с графом очень любим прошлое.

БЕЗОБРАЗОВ: Это все крайняя подлость!

ГОЛИЦЫН: Знайте свое место, господин адъютант.

АЛЕКСАНДР: Пойдемте, граф, нам лучше уйти.

ПАВЕЛ: Нет, постой!

ГОЛИЦЫН: Именно! Сейчас начинается самое интересное! Перед нами стоит сложная задача: что же сделает граф теперь, когда он знает, что его первая любовь пережила все это и теперь находится здесь – всего в нескольких шагах от него. Захочет ли он ей сказать что-то? Может увидеть ее в последний раз? (*будто смахивает слезинку*).

СОФЬЯ: Так, хватит! Князь Голицын! (*подходит к нему вплотную*) Вы зашли слишком далеко! Вы оскорбили моего мужа, вы оскорбили меня, вы оскорбляете всех здесь присутствующих. Я прошу вас оставить нас!

БЕЗОБРАЗОВ: Вы мерзавец! Я вызываю вас на дуэль!

ГОЛИЦЫН: Не тебя на меня прыгать, щенок! А, впрочем, сейчас повеселимся!

СОФЬЯ: Я не позволю вам, князь!

ПАВЕЛ (*встает с кресла*): Софья, нет! Я уже давно все решил. (*пауза*). Вы, князь, подлец. И это говорю вам я, как генерал генералу. Хотите стреляться – стреляйте в меня!

СОФЬЯ: Что ты говоришь!

ГОЛИЦЫН: Ха, очень ловко! Вы больны! Умрете и без моей помощи!

БЕЗОБРАЗОВ: Позвольте, я убью его!

СОФЬЯ: Он пьян, он просто пьян! Князь, убирайтесь прочь! (*выплескивает вино из бокала ему в лицо*).

ГОЛИЦЫН (*смеется*): Ну и семейка! Черт бы вас побрал! (*Уходит, из-за двери своему адъютанту выкрикивает: «собрать мои вещи! Быстро»*)

АЛЕКСАНДР: Слава богу, теперь будет спокойнее!

БЕЗОБРАЗОВ: Зря вы меня остановили, граф.

СОФЬЯ: Он мерзавец, но он мой брат. Павел, прости его. Он вернется домой, ты больше его не увидишь.

ПАВЕЛ (*про себя*): Да, я больше его не увижу. (*обращаясь ко всем*). Дальше я должен продолжить путь один. Господа, это приказ. Софья, прости. Александр будет с тобой рядом все время.

СОФЬЯ: Любимый, дорогой мой (*плачет*).

ПАВЕЛ: Не надо!

СОФЬЯ: Нет! Нет! Что я натворила!...

ПАВЕЛ (*сухо*): Так всем будет лучше. Софья падает на колени.

АЛЕКСАНДР (*обращаясь к Софье, обнимает ее*): Софья Владимировна, успокойтесь...все образуется, к утру может граф одумается.

ПАВЕЛ (*обращаясь к Кандлеру*): Капитан, мы отплываем через два часа. Я попрошу к этому времени всех провожающих удалиться.

*Павел быстро уходит, Софья бросается за ним, но останавливается.
Тишина.*

Затемнение. АНТРАКТ.

КАРТИНА ВТОРАЯ

СЦЕНА ПЯТАЯ

Спустя два дня после последних событий. На палубе корабля стоят капитан Кандлер и его помощник Борисов. Пасмурно, моросит дождь. Кандлер пытается разжечь трубку, но у него не получается.

КАНДЛЕР: Господи, ну и погода. Места сухого нет. И эта чертова трубка!

БОРИСОВ: Вы были правы капитан. Но я бы сказал, что погода здесь намного хуже красивой женщины.

КАНДЛЕР: Ты опять говоришь о женщинах с видом знатока.

БОРИСОВ: Зря вы думаете, капитан, что у меня нет совсем никакого опыта в этих делах.

КАНДЛЕР: А что, можно подумать у тебя большой опыт?

БОРИСОВ: Вообще-то, когда мы учились в академии, то, случалось, виделись с молодыми девушками из института.

КАНДЛЕР: Ну и что же вы с ними делали, а, академики? Что же ты с ними делал, интересно?

БОРИСОВ: Мы приходили на их открытые концерты, и, бывало, вместе исполняли некоторые арии, музицировали. И потом один раз у нас был вечер, где мы все вместе «танцевали» вальс, мазурку...

КАНДЛЕР: Музицировали, говоришь. «Танцевали».

БОРИСОВ: Я был очень даже неплох!

КАНДЛЕР: Ой, парень, лучше бы ты помолчал.

Немного молчат. Капитану наконец удается раскурить трубку.

БОРИСОВ: А что, граф так и не выходил?

КАНДЛЕР: Нет, доктора говорят, что он очень плох. Даже вон консилиум созывали, приглашали врачей из города. А всё одно говорят.

БОРИСОВ: Честно говоря, я не понимаю.

КАНДЛЕР: Что ты не понимаешь, парень?

БОРИСОВ: Ну как можно было прогнать всех своих близких людей, когда тебе так нужна их поддержка.

КАНДЛЕР: А-а-а, молод ты еще. Знаешь, когда я захочу помереть, я бы тоже не хотел, чтобы ты мозолил мне глаза и задавал глупые вопросы. Чтобы ты видел, черт, как я задыхаюсь.

БОРИСОВ: Но тут ведь и о близких надо подумать. Ладно, князь...без него только всем спокойней. Но графиня! Ведь у нее была истерика...

КАНДЛЕР: Да, насилу ее уговорили. Говорят, граф ей пообещал, что они увидятся еще раз в Эльсиноре.

БОРИСОВ: Эльсиноре?

КАНДЛЕР: Замок Кронборг. Юноша, ты что, Шекспира не читал?

БОРИСОВ: Не обижайтесь, капитан, но я бы и сам никогда не подумал, что вы знаток Шекспира.

КАНДЛЕР: То есть, по-твоему, если старый моряк, значит ума не больше, чем у рыбы?

БОРИСОВ: Нет, конечно, но мне почему-то сложно вас представить мирно почитывающим Шекспира, развалившись в кресле-качалке на палубе.

КАНДЛЕР: Ну, признаться, я сам не читал...просто, когда мы в прошлом году возвращали солдат из Франции, наш посол предложил сделать остановку в Кронборге.

БОРИСОВ: В Эльсиноре.

КАНДЛЕР: Усвоил. Там по случайному совпадению в эти дни праздновали 200-летие Шекспира, и они там решили поставить «Гамлета». Первые во всем мире. Быть или не быть – ну, слышал?

БОРИСОВ: Признаться, не очень любил курс зарубежной литературы...

КАНДЛЕР: Эх, парень...сильная штука этот «Гамлет». *(после небольшой паузы)*. Еще слышишь забава, все роли исполняли солдаты гарнизона. И как главный у них говорил так жалобно: «Бедный Йорик, бедный Йорик...» Мне аж, знаешь, стало худо.

БОРИСОВ: Так прониклись, капитан?

КАНДЛЕР: Нет, съел что-то не то! Конечно, проникся. Любой бы не выдержал. «Бедный Йорик»...

БОРИСОВ: Что же, он еще и по-русски это говорил?

КАНДЛЕР: Ты чем думаешь, парень! Кто же в Дании в замке Кронборг из солдат говорит по-русски? Я хоть и старый моряк, а английский немного знаю. Да и мне наш посол потом все пересказал, чего он там страдал.

Пауза в разговоре, в это время на палубу выходит Безобразов.

БЕЗОБРАЗОВ: Граф понемногу пришел в себя. Велел немедленно отплывать.

КАНДЛЕР: Раз уж постояли два дня на причале, так может постоим и третий? Вон погода все не унимается. Будут волны и качка.

БЕЗОБРАЗОВ: Нет! Граф и так разозлился, когда узнал, что мы не решились отплывать при его таком самочувствии.

КАНДЛЕР: А что доктора?

БЕЗОБРАЗОВ: Они плывут с нами. Он под их постоянным наблюдением.

БОРИСОВ: А какие прогнозы? Что говорят?

БЕЗОБРАЗОВ: Безрадостные. Но он держится.

БОРИСОВ: Простите, полковник...это не мое дело, но может для его сиятельства лучше было бы продолжать плавание вместе с графиней? Капитан мне сказал, что она дожидается его в Эльсиноре. *(Кандлер вспыхнул)*.

БЕЗОБРАЗОВ: А вы хорошо осведомлены в личной жизни графа, господа. Но это решение будет принимать он. И только он.

БОРИСОВ: Еще раз простите, конечно, я все понимаю...но и не понимаю. Для чего оставлять супругу, да и всех близких людей...вон даже художника, и того вернули...

БЕЗОБРАЗОВ: А я надеюсь, что вы этого никогда и не поймете. Чтобы понять его действия, нужно пройти его дорогой. А этого я ни кому не пожелаю.

БОРИСОВ: Можете скинуть меня за борт, но клянусь, я не понимаю, какие могут быть проблемы у самого богатого человека в империи. Да, я знаю, о его утратах, мне очень жаль, но...такова жизнь, надо идти дальше. Разве не так, капитан?

Кандлер отвернулся и принялся пыхтеть трубкой.

БЕЗОБРАЗОВ *(после паузы)*: Конец февраля 1814 года. Наши войска вступили во Францию. До полной победы осталось два месяца. Тут Наполеон собирает все последние силы в кулак и дает нам бой у маленькой деревушки Краон. Две пехотные дивизии Воронцова и Строганова сдерживают на Краонских высотах 30-тысячную армию Наполеона и ждут подкрепления. Вместе с графом, вместе генерал-лейтенантом Павлом Строгановым его юный сын Александр, совсем недавно примкнувший к армии. Но он уже герой битвы под Лейпцигом. Под ним была убита лошадь.

Юный граф вновь просится в гущу событий. Умоляет отца отпустить его к отряду князя Васильчикова, который находится под сильнейшим огнем. Граф после колебаний все же решает уступить сыну и отпускает его добывать себе славу.

Он видит, как храбро мчится его сын навстречу неприятелю, как прямо его спина, как прекрасен его белый конь. Граф со своего командирского холма с гордостью наблюдает, как его сын приближается к отряду князя, чтобы помочь ему в самую трудную минуту.

Он даже не смотрит на неприятеля, вся его отцовская гордость заключена в этом моменте. Признаться, и мне тогда передалось это чувство...я смотрел на то, как граф любит своим повзрослевшим сыном, как он пытается сдерживать свою улыбку. *(Безобразов собирает с мыслями)*. И тут будто огромный заряд молнии прошел через тело графа. Его лицо исказилось в

ужасной конвульсии и застыло как во льду.

Я немедленно обернулся и увидел того же белого рысака, тот же силуэт юного Александра...но там была пустота. Головы. Не было головы. В ту же секунду тело перевернулось на левый бок и упало с коня. 19-летнему Строганову, единственному сыну графа, снесло голову пушечным ядром на глазах отца.

Граф ринулся навстречу, но было видно, что Наполеон перешел в наступление, Васильчиков командовал отход. Это означало бы верную смерть. В общем, мы вместе с офицерами насилу остановили его...когда сражение закончилось ему едва удалось найти своего сына под грудями тел...а потом была долгая дорога в Санкт-Петербург, граф сам повез тело сына домой. Тогда отец умер вместе с сыном, и более уже не воскрес. Что мы видим сейчас – это лишь тень великолепного героя. Мы все тени в его сознании. И этот корабль...словно призрак.

На этих словах из тени выходит Павел Строганов, сам похожий на привидение. Лицо страшно исхудало, тело иссохло. Тихо ступает, держась за трость.

ПАВЕЛ: Но я надеюсь, вы не боитесь призраков, господа?

БЕЗОБРАЗОВ: Павел Александрович, что же вы здесь, вам надо лежать! Куда смотрят доктора?

ПАВЕЛ: У них сейчас есть дело поважнее. Капитан, командуйте отплытие.

КАНДЛЕР: Есть, Ваше Сиятельство!

Кандлер и Борисов уходят.

ПАВЕЛ: Что же вы им, Григорий Михайлович, страшилки рассказываете. Тени, призраки!

БЕЗОБРАЗОВ: Простите, граф...что было на душе.

ПАВЕЛ: Вы должно быть боитесь за меня?

БЕЗОБРАЗОВ: Разумеется! Вам здесь крайне опасно находится! Вы ко всему прочему можете простудиться.

ПАВЕЛ: Нет, я о другом. Вы боитесь моей смерти?

БЕЗОБРАЗОВ: Ваше Сиятельство, Бог с вами. Вас ждет еще долгая счастливая жизнь! В Португалии вы поправитесь, и заживете еще лучше вместе со своей семьей.

ПАВЕЛ: Вы прекрасно знаете, что это не так. Вы знаете, что я скоро умру. И я это знаю. Я чувствую приближение смерти.

БЕЗОБРАЗОВ: Господь поможет вам...надо верить!

ПАВЕЛ: О, я верю как никто. Я вижу смерть каждый день. И вижу тень. Но не свет.

БЕЗОБРАЗОВ: Это от вашего состояния. Вокруг было много мрака. И единственный луч света – ваша жена – ждет вас в Эльсиноре.

ПАВЕЛ: Вам удалось передать ей письмо?

БЕЗОБРАЗОВ: Да. На нее было больно смотреть.

ПАВЕЛ: Стала читать?

БЕЗОБРАЗОВ: Нет, убрала.

ПАВЕЛ: Тем лучше.

БЕЗОБРАЗОВ: Она нужна вам, а вы ей.

ПАВЕЛ: Это ради нее.

БЕЗОБРАЗОВ (*после паузы*): Вы все предвидели.

ПАВЕЛ: Все не случайно. Эльсинор не случайно, Теруань не случайно, этот корабль не случайно. Все сходится к одному. (*отвлеченно*). Я слышу их...

О, мы, наконец, отплываем! Полный вперед, капитан!

А теперь идите, полковник. Я хочу побыть здесь наедине. Идите!

Затемнение.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

На берегу у замка Кронборг стоит Софья. Близится ночь, пасмурно, моросит дождь, вдалеке слышны раскаты грома. Софья держит в руках раскрытое письмо и смотрит в темную даль бушующих вод. Ее платье и волосы намокли, но она на это не обращает внимание. Вновь поднимает письмо и читает.

ПАВЕЛ: Дорогая моя, милая Софи. Мне больно писать тебе эти строки, зная, что они ранят твое бедное сердце. Прости, что не смог с тобой объясниться другим способом, не смог сказать тебе все это глядя в твои глаза, но это все лишь ради того, чтобы не умножать твои страдания.

Мне осталось немного. Я это знаю. Держаться – этому учил меня отец. Весь путь из Санкт-Петербурга я пытался делать вид, что смогу добраться до Португалии, где найду лечение и спасение. Но с каждым днем мое состояние ухудшалось, и притворяться становилось все невыносимее. Не сомневаюсь, ты тоже это понимала в глубине души. Приближение смерти витает на корабле все эти дни, это ощущают все. Я видел смерть сына, и она разрушила во мне основание. То, что сохраняло меня раньше. Это страшно и я не хочу, чтобы ты видела мою смерть. Это яд, который будет тебя отравлять.

Теперь ты встанешь во главе нашей семьи. Я знаю, ты сомневаешься в себе. Думаешь, что тебе это будет не под силу, что ты не сможешь управиться со всеми нашими людьми, землями, заводами, домами и при этом еще заботиться о наших дочерях. Я знаю, ты справишься. Ты очень сильная. Ты Строганова.

Помню нашу первую встречу с тобой в Братцево. Ты так волновалась. Глупышка, неужели ты думала, что можешь не понравиться мне. Ты самая обаятельная женщина из всех, кого я когда-либо знал.

Знаю, ты думаешь, что я охладел к тебе, может даже думаешь, что я перестал любить тебя. Это не так. Мне невыносима одна мысль о твоих страданиях. Но я не могу быть прежним, не могу быть здоровым – эти осколки уже не склеить. Но у тебя впереди вся жизнь. И я тебя прошу – живи! Люби и будь любима, будь окружена заботой наших дочерей и всей нашей семьи.

А я всегда буду рядом. Мы вместе с нашим сыном будем рядом. Я скоро увижу его, это греет мое сердце. И, пожалуйста, не плачь. История только начинается, но теперь ее писать будешь ты, Софи.

Обнимаю,

твой любящий муж, Павел Строганов.

К Софье подходит барон Александр, снимает с себя плащ и накидывает на нее.

АЛЕКСАНДР: Сударыня, пойдете же. Вы вся вымокли!

СОФЬЯ: Я еще немного постою, Саша.

АЛЕКСАНДР: Поздно, корабля сегодня уже не будет.

СОФЬЯ: Это не важно.

АЛЕКСАНДР: Вы думаете, он остановится?

СОФЬЯ: Думаю, нет.

АЛЕКСАНДР: А зачем же вы тогда ждете его?

СОФЬЯ: Просто мне хотелось бы увидеть его в последний раз. Пусть даже только корабль. Но он будет там.

Александр достает подзорную трубу, пытается что-то разглядеть в ночной темноте. Вдруг ярчайшая молния освещает все на много километров вокруг и становится виден вдалеке фрегат Св.Патрикий.

АЛЕКСАНДР: Ой, Софья Владимировна, смотрите, надо же! Корабль. Наш!

Раздается оглушительный гром.

АЛЕКСАНДР: Смотрите, он плывет к нам. Или нет? Корабль швыряет из стороны в сторону. Там какой-то переполох.

Софья опускается на колени, закрывает глаза и начинает про себя молиться.

АЛЕКСАНДР: Господи Иисусе, помоги им.

Затемнение.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Павел стоит на палубе корабля, тяжело опершись на поручень. Дождь усиливается, волны разбиваются о корабль.

ПАВЕЛ (*держась за грудь*): Тяжело дышать...

Сколько можно притворяться. Сильным для одних, здоровым для других, для третьих мудрым. Быть мужем, отцом, другом, указывать, знать все, как нужно делать. Но если жизнь свою прожил не так как надо, не так как желал сам и не так как от тебя желали. Ты мужчина! Но если ты ослабел – агу его!

Что делать, если всю жизнь свою боролся за свободу, а в итоге все уничтожил, абсолютная власть. Всех в клетку! Сам в клетке!

Скажут – славный малый и добрый человек Павел Александрович Строганов. А историю делают другие. Решительные. Кому нечего терять. Кто вышел из низов. Люди любят такие истории. А у кого было все и он все потерял, что про таких говорят?

Всю жизнь мечтал стать военным. Бил французов, и шведов, и турок. В реальных боях участвовал, под пули шел. А кто вспомнит, что был такой генерал-лейтенант, генерал-адъютант Строганов? Кутузов, Багратион, Барклай-де-Толли, Беннигсен, Платов, Ермолов, Воронцов... вот имена! А Строганов был одним из многих. Одним из многих, кто потерял своего сына.

Предал ли меня кто? Или сама жизнь посмеялась надо мной – везде был и будто не был. Жизнь уходит, а что осталось после меня? Господи, неужели таков мой итог?

Ты думаешь, я тебя виню? Нет! Я себя виню, одного себя. И рад, что ты отвернулся от меня, что ты не видишь, как жалок я теперь. И мне мерзко от себя самого... (*опускается на колени и закрывает лицо руками*).

ОТЕЦ: Павел. (*пауза*) Павел. Павел, посмотри на меня.

Павел поднимает голову и видит перед собой своего отца.

ОТЕЦ: Я вижу, как тебе больно, сынок. Позволь я дотронусь до груди твоей. (*Кладет руку ему на грудь*).

ОТЕЦ: Твое сердце очень устало. Оно бьется как раненая птаха.

ПАВЕЛ: Папа... я больше не могу.

ОТЕЦ: Я знаю, что тебя гложет. Ты думаешь, что я стыжусь тебя. Что я не могу гордиться тобой.

ПАВЕЛ: Моя жизнь должна была сложиться иначе!..

ОТЕЦ: О, ты все еще мой милый ребенок. Помнишь, нашего толстого мопса?

ПАВЕЛ (*задумываясь*): Бочка, его звали бочка.

ОТЕЦ: Как он погрыз твоего любимого деревянного солдатика?

ПАВЕЛ (*улыбаясь*): Ну, еще бы, это был Александр Македонский в доспехах и с копьем...

ОТЕЦ: ...которого тебе вырезал наш старый садовник.

ПАВЕЛ: Да, на мой день рождения.

ОТЕЦ: Ты безутешно рыдал несколько часов, а я обнял тебя и помнишь, что сказал?

ПАВЕЛ: Что именно так выглядел Александр во время Индийского похода...

ОТЕЦ: И от того он стал только лучше, правда? Разве ты перестал любить его? Перестал играть с ним?

ПАВЕЛ: Нет, я полюбил его еще сильнее.

ОТЕЦ: В своем несовершенстве он стал для тебя родным. Нет ничего идеального, и не ничего скучнее правильных форм...

ПАВЕЛ: Но вам это удалось, папа! Вы построили великий дворец и главный храм столицы, устроили лучший сад России, дали образование сотням крепостных детей, привели свой род к славе, которой у него никогда не было и больше не будет.

ОТЕЦ: Ошибаешься, сын. Ты должен иметь терпение. Как я терпел все 30 лет царствования Екатерины. Знаешь, что бы я не делал – она не доверяла мне, принимала за придворного шута. «Дурашка» - так она меня называла. Но я ждал своего часа. И он пробил, когда пришел ее сын Павел.

ПАВЕЛ: И тогда ты начал строить собор.

ОТЕЦ: Он доверил нам все. Но дальше ты знаешь.

ПАВЕЛ: Его задушили в собственной спальне.

ОТЕЦ: А ведь и он терпел все эти годы, ждал своего царствования.

ПАВЕЛ: Зато я ничего не ждал. У меня сразу все было. Имея такие возможности, я не создал ничего, потратив свою жизнь на войну.

ОТЕЦ: На величайшую победу в русской истории. Сын, посмотри на этот дождь и эти тучи. Они все лишь создают условия для чего-то большего. Для грома! Что такое дождь без грома? Вспомнишь ли ты его на завтрашний день? Ты забудешь о нем, как только высохнет твоя одежда. Нет, мы помним ярчайший свет молнии и сильнейший раскат грома, который заставляет замирать наше сердце.

ПАВЕЛ: От самолюбования молний гибнут люди. Из-за меня погиб мой сын.

Павел достает белые, запачканные грязью и кровью, перчатки с вензелем.

ОТЕЦ: Это его перчатки. Ты носишь их с собой.

ПАВЕЛ: Я не могу отпустить его.

ОТЕЦ: Много сыновей погибло на том поле. Много было безутешных отцов и матерей. Но он жив в тебе и в твоей жене. В его сестрах и близких. В его друзьях. Он жив в памяти своей родины, за которую он отдал свою жизнь. Пойми, мой дорогой, смерть, это только начало.

ПАВЕЛ: Ты не можешь знать! Ты – это я! А я ничего не знаю и не понимаю в этом мире. Я ощущаю, что во мне так мало веры. И нет времени во всем разобраться.

ОТЕЦ: До всего дойти своим умом? Да, на это времени не достаточно. Всегда не достаточно.

ПАВЕЛ: Значит, нет ничего. Мы просто умираем и все. Нужно найти мужество это принять, а не давать себе надежду на будущую счастливую жизнь, где все будет как раньше.

ОТЕЦ: Как раньше никогда не будет. Но может быть будет по-другому. Мы все живем в твоём разуме, в твоих воспоминаниях. Ты сейчас видишь эти воспоминания так явно! Скажи, что я, по-твоему?

ПАВЕЛ: Вы как настоящий... вы так красивы, так молоды, папа, так сильны.

ОТЕЦ: Я такой, каким, ты меня запомнил. Спасибо, что в твоей памяти я не остался дряхлым ворчливым старикашкой.

Павел проронил смешок.

ПАВЕЛ: Папа, вы никогда не были ворчливым.

ОТЕЦ: Ты просто этого не помнишь... человеческая память избирательна.

ПАВЕЛ: Все плохое она оставляет в прошлом, а все хорошее...

ОТЕЦ: Остается с нами навсегда.

ПАВЕЛ: Мне так не хватало наших с тобой разговоров.

ОТЕЦ: Мне тоже.

ПАВЕЛ: Наш разговор будто происходит в моем сердце.

ОТЕЦ: Совершенно верно, сын, ты очень давно не заглядывал в него, одно было словно во льду. А сейчас, я чувствую, в нем разгорается свет и... тепло.

ПАВЕЛ: У меня будто жар.

ОТЕЦ: Верно... жар – это болезнь. Он происходит из отсутствия равновесия. Тебе еще нужно примирить свое сердце и разум.

ПАВЕЛ: Но мне сейчас так хорошо с вами.

ОТЕЦ: Речь не обо мне. Ты уже готов к новой встрече.

ПАВЕЛ: Оставайтесь со мной до конца!...Прошу.

ОТЕЦ (*уходя в тень*): О, это еще не конец.

Дождь усиливается. Где-то вдалеке начинают сверкать молнии.

ПАВЕЛ: Папа! Постой!...

Павел пытается догнать отца, но в ту же секунду оттуда, где только что скрылась его тень, выходит старая разбитая женщина с клюкой, сильно прихрамывая. Павел застывает на месте.

МАТЬ: Что, не рад меня видеть?

Обходит его.

МАТЬ: Понимаю. Тебе, наверное, тяжело дается это воспоминание.

ПАВЕЛ: Да. Я помню... перед смертью у вас стали отказывать ноги.

МАТЬ: Как считаешь, достаточное я наказание понесла за то, что оставила вас с отцом?

ПАВЕЛ: Мне не нужно было никакого наказания, я давно вас простил.

МАТЬ: Правда? Ты сейчас честен с самим собой?

ПАВЕЛ: Отец вас простил, и не мне судить вас за вашу другую любовь.

МАТЬ: Но ты судил? Так ведь? Осуждал свою мать за то, что она променяла твоего отца на молодого красавца? О, как ты его ненавидишь!

ПАВЕЛ: Мы были так счастливы до того, как вы не предали всех нас, пока не изменили отцу.

МАТЬ: Вот! Осуждаешь! А говорил, простил. Это он тебе сказал, что мы были счастливы?

ПАВЕЛ: Я это помню.

МАТЬ: Твоего отца я не любила. Это был брак по расчету. Мне нужно было положение в обществе, ну и что в этом необычного. А твоему отцу? Ты спрашивал, что стало с его первой женой? Ему надо было скорее заменить ее на новую красивенькую девочку.

ПАВЕЛ: Неправда, он очень переживал, когда она умерла.

МАТЬ: Переживал. Страдал. Ты говоришь, как твой отец. Мужчина должен быть сильным, и я искала этой силы. И не нашла ее в нем.

ПАВЕЛ: Он вам открыл свое сердце, а вам это просто было не нужно.

МАТЬ: Ты был слишком мал, разве ты можешь что-то знать об этом наверняка?

ПАВЕЛ: Да, могу! Знаю, что вы никогда нас с папа не любили!

МАТЬ: Неправда! Из этого нашего общего несчастья, получилось кое-что доброе. Ты, мой сын.

ПАВЕЛ: Вы обманываете меня! Вы бросили нас без малейшего сожаления. Жили потом, даже не интересуясь моей судьбой.

МАТЬ: Разве я говорила, что была хорошей матерью?

ПАВЕЛ: В своей новой семье вы были хорошей матерью. Другие дети, я видел их – они были счастливы с вами, они получали вашу любовь.

МАТЬ: Тебе не стоит судить о том, чего ты не знаешь. (после паузы). Часть меня всегда была с вами. Хоть я это и не принимала. И потому избегала вас. Мне тоже было больно.

ПАВЕЛ: Вы могли все исправить! Стоило лишь сказать хоть раз...

МАТЬ: Сказать порой труднее всего. Я совершала ошибки, но мне уже поздно каяться. Да я здесь и не для того.

ПАВЕЛ: А для чего же?

МАТЬ: Ты сам знаешь.

ПАВЕЛ: Для того, чтобы мучить меня.

Молния осветила палубу, раздается сильный раскат грома. Мать резко меняется в лице, с нее сходит спесь. И она как будто преображается.

МАТЬ: Ой! Гроза! Гроза! Я всегда боялась грозы!

Забивается в угол, как будто спрятавшись.

МАТЬ: Павлуша, мне страшно! Помогите мне!

ПАВЕЛ (*в порыве бросается к матери*): Матушка, не бойся! Не плачь!

МАТЬ: О, сынок...

ПАВЕЛ: Я тут, я рядом, я с тобой!

МАТЬ: Милый мой, Павлуша... мой ребенок. Мы с тобой здесь, в Париже, в нашу последнюю грозу, тебе было пять, ты помнишь?

ПАВЕЛ: Да, я помню. Я помню это так неистово, мне так больно от этих воспоминаний, они разьедают мою душу.

Павел опускается, схватившись за грудь. Мать придвигается к нему, накрывает его своей накидкой.

МАТЬ: Мы с тобой так боялись!

Вдалеке слышны барабаны, мать испуганно озирается.

МАТЬ: Мало времени, она идет!

ПАВЕЛ: Кто?..

МАТЬ: Ты должен быть сильным! Помнишь, мы считали, сколько пройдет времени от молнии до грома? Я сразу успокаивалась.

ПАВЕЛ: Помню! Я все помню!

МАТЬ: Считай, считай, Павлуша, считай ради меня. Считай, как тогда – ребенком, как будто любишь меня.

Павел прижимает мать к себе и начинает тихо считать.

МАТЬ: А когда раздавался гром, я вскрикивала и закрывала глаза в ужасе. А ты прижимал свои ладони к моим и говорил: Матушка, не плачь... я тут, я рядом...

ПАВЕЛ (*сквозь слезы*): ...я с тобой.

МАТЬ: Ты простил.

Раздается новый раскат грома, в сто крат сильнее предыдущего. После яркой вспышки свет на миг гаснет. Когда свет загорается, Павел сидит один на полу в той же позе, как он обнимал свою мать, прижав ее руки к своей груди. Льет дождь.

ПАВЕЛ (*тихо, едва слышно*): Матушка... милая. Не плачь...

Сквозь монотонный стук дождя, усиливается бой барабанов и, наконец, раздается залихватистый смех. Ловко перепрыгнув через борт, будто выныривая из морской пучины, вся в мокром черном платье и с растрепанными волосами, перед Павлом оказалась безумная Теруань де Мерикур.

ТЕРУАНЬ: Ха-ха-ха! Вы посмотрите на него какие нежности!

ПАВЕЛ (*изумленно*): Анна? Ты? А, впрочем, я ждал тебя...

ТЕРУАНЬ: Анна? Ха-ха-ха, да, так, кажется, меня звали. До того, как трижды мое лицо не разбило о брусчатку. Но я не жалею. Зато у тебя все хорошо, не так ли?

ПАВЕЛ: Я потерял сына, Анна.

ТЕРУАНЬ (*притворствуя*): Оу, мне так жаль. Наверное, славный был мальчик. Прямо как ты, Поль Очер.

ПАВЕЛ: Анна, я не хотел тогда уезжать. Мне приказали, меня забрали.

ТЕРУАНЬ: Ой, узнаю своего Очера. «Может не надо», «Давай в другой раз», «Вдруг нас заметят»... что, забыл как мы тогда с тобой веселились на полу в вашей библиотеке?

ПАВЕЛ: Хватит!

ТЕРУАНЬ: «Аннет, только не на святой книге!».

ПАВЕЛ: Что?! Зачем ты достаешь из меня это?! Ради чего? Что я должен увидеть?!..

ТЕРУАНЬ: А ты смотри внимательней, милый граф. Присмотрись глубже. Ты и тогда ничего не замечал дальше моего тела. Встань, выйди из этих книжных завалов. Оглянись.

ПАВЕЛ: Я не понимаю.

ТЕРУАНЬ: Да-да, стеллажи, узкие коридоры, книги, вокруг одни книги! Нет! Одной не хватает! Что за ней? Ну, смотри внимательней! Ага, там кто-то есть! Нас заметили! Ха-ха-ха!

ПАВЕЛ: Кто это?! Я не вижу!

ТЕРУАНЬ: Нет, ты видишь, ты все видишь! Смотри лучше! Кто это мог быть? Чей силуэт тебе кажется знакомым? Смотри он уходит, ты узнаешь этот шаг? Вспоминай!

ПАВЕЛ: Все так смутно.

ТЕРУАНЬ: Вспомни запах, что-то примешалось, выдели его.

ПАВЕЛ: Не могу. Нет.

ТЕРУАНЬ: Ты уже знаешь. Только не веришь!

ПАВЕЛ: Учитель...

ТЕРУАНЬ: Да-а-а, твой учитель! Твой воспитатель с юных лет! Он ревновал тебя ко мне, боялся, что лишу его власти над тобой!

ПАВЕЛ: Зачем?

ТЕРУАНЬ: Завладею тобой и твоими деньгами!

ПАВЕЛ: Нет...

ТЕРУАНЬ: Он донес на нас. Думал, что от меня будет легко избавиться. Ха-ха-ха! Я брала Бастилию! Проще избавиться оказалось от тебя.

ПАВЕЛ: Нет, он хотел, чтобы мы остались в Париже.

ТЕРУАНЬ: Он, конечно, не хотел, чтобы ты уезжал, но голубки уже долетели куда надо. Тебя забрали! А на меня повесили все: торговлю телом, воровство, заговор против французской революции! Ха-ха-ха!

ПАВЕЛ: Я верил ему, как отцу.

ТЕРУАНЬ: Ничего, твой дружок тоже недолго пожил. Его ведь приговорили к гильотине свои же братья по революции. И он проткнул себе сердце припрятанным кинжалом, оказавшись в тюрьме. Испугался позора! Как думаешь, о чем он подумал в последний миг?

ПАВЕЛ: Он сожалел.

ТЕРУАНЬ: Смешно. А, впрочем, не важно. Революция пожирает своих героев!

Павел тяжело опадает на бок, пытается удержаться на ногах, задыхается.

ПАВЕЛ: Анна, что я могу сделать? Сейчас...

ТЕРУАНЬ: Скажи, что еще любишь меня. Как раньше. Поцелуй меня. Так же как тогда...

Павел смотрит на нее в смятении.

ТЕРУАНЬ: Ну же! Ты ведь любишь меня! Ты ведь желаешь меня! Смотри на меня! *(разрывает на себе одежду)* А? Хороша?! Ну же, бери!!!

ПАВЕЛ: Нет! Ты тень! Ты наваждение! Изыди! *(задыхается)*

ТЕРУАНЬ: Что?! Ты прогоняешь меня? В твоей голове пронеслись уже тысячи фантазий, я вижу!

ПАВЕЛ: Но не в сердце. Оно горит... жар.

ТЕРУАНЬ: А, там есть место только для одной, да?! И где же она? Где твоя жена?!

ПАВЕЛ: Софья! Оставь Софью!

ТЕРУАНЬ: Это ты оставил ее, выбросил словно тряпку!

ПАВЕЛ: Не смей! Я слышу ее сердце. Она рядом!

ТЕРУАНЬ: Ты сошел с ума! Ха-ха-ха!

ПАВЕЛ: Я чувствую ее. Где она?! *(бешено озирается по сторонам)* Софи-и!

ТЕРУАНЬ: Софи-и-и-и! Она на другой стороне. Она не слышит тебя. Она на стороне живых. А ты теперь мой! *(хватает его за руку)*. Любимый! Ха-ха-ха.

ГОЛОС СОФЬИ: «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго»...

ТЕРУАНЬ: Ха-ха-ха, слышишь, молится за тебя! Хочет спасти тебя! *(тацит)*

ПАВЕЛ: Софья, прости...

ТЕРУАНЬ: Но у тебя нет веры!

ГОЛОС ОТЦА: Это все в твоей голове. Слушай свое сердце.

ТЕРУАНЬ: У тебя нет сердца! И никогда не было, ты думал только о себе!

ГОЛОС МАТЕРИ: Ты сердцем простил меня!

ТЕРУАНЬ *(как бы откликаясь на все голоса)*: Поздно, уже слишком поздно!

Молния прорезает все небо.

ПАВЕЛ: Свет! Софья, это же мой свет! В голове моей, в сердце моем!

Раздается последующий за молнией оглушительный раскат грома. Павел падает навзничь.

На палубу вбегают капитан Кандлер, Борисов, Безобразов, доктора Абе и Герт.

КАНДЛЕР: Вот же черт! Поднимайте его!

БЕЗОБРАЗОВ: Ваше сиятельство!

АБЕ: Как он нас перехитрил!

ГЕРТ: Опоил снотворным и запер в своей комнате!

БЕЗОБРАЗОВ: Я думал, он там.

БОРИСОВ: И никто в такой ливень не вышел на палубу.

КАНДЛЕР: Хватит болтать! Помогите мне! Он не дышит!

Кандлер разрывает на нем китель, начинает бить в грудь. Все остальные толпятся и суетятся вокруг.

КРИК С МАЧТЫ: Замок! Мы приближаемся к замку!

БОРИСОВ: Эльсинор.

БЕЗОБРАЗОВ *(на фоне)*: Дайте мне!

БОРИСОВ: Замок-призрак...

КАНДЛЕР *(на фоне)*: Сильнее!

БОРИСОВ: Корабль-призрак...

АБЕ и ГЕРТ *(на фоне)*: Помогите нам, капитан.

БОРИСОВ: А кто мы на этом корабле? Тени?

Мимо проходит молодой юноша в прекрасном мундире, долго смотрит на Павла, присоединяется к толпе. Свет медленно гаснет. В это время к ним ко всем тихо подходят отец и мать. Все смотрят на Павла. Звучит «Stabat Mater».

Пауза. Затемнение. КОНЕЦ.

Послесловие

- Граф Павел Строганов умер 10 июня 1817 года на корабле «Святой Патрикий» спустя два дня после отправления из Копенгагена. На нем прервалась мужская линия графов Строгановых.
- Его супруга Софья прожила еще 30 лет, бережно сохраняя память о муже. После его смерти она направила все свои силы на развитие пермских земель и укреплении строгановского майората, в чем добилась огромных успехов: крестьянам впервые в России выплачивалась пенсия, наиболее талантливые из них отправлялись на обучение в Европу, были открыты новые заводы и театры, строились храмы. Память о ней сохраняется на этих землях до сих пор.
- Ее брат князь Дмитрий Голицын вскоре стал генерал-губернатором Москвы, которой управлял 24 года. Все это время он посвятил обустройству старой столицы после великого пожара 1812 года. В последние годы жизни часто болел, уехал на лечение во Францию, где и скончался.
- Племянник графа, барон Александр Строганов прожил длинную жизнь – 95 лет, при этом во всей истории России дольше всех состоял в генеральских чинах – почти 60 лет. Несмотря на либеральные убеждения молодости, своим современникам был известен позднее крайне консервативными взглядами. Умер в Одессе, где служил генерал-губернатором. К слову, именно в честь него было названо мясное блюдо бефстроганов.
- Первая любовь графа Строганова Анна-Жозефа Теруань де Мерикур умерла в психиатрической лечебнице в Копенгагене за два дня до смерти самого графа.
- В том же 1817 году корабль «Святой Патрикий» был продан испанской короне. Спустя год он был отправлен в Чили подавлять восстание против Испании. Однако корабль был захвачен чилийцами и служил им на протяжении 10 лет в качестве флагмана чилийского флота, пока не был продан Аргентине и не затонул во время шторма в Тихом океане. Память о русском корабле бережно хранится в Чили до сих пор. Ему посвящено несколько картин и музейных экспозиций.
- Род Строгановых окончательно пресекается спустя 100 лет. Революция нанесла по династии удар, от которого она уже смогла оправиться. Но память о Строгановых и их наследие сохраняются по сей день.

ГЕРОИ

Граф Павел Александрович Строганов (7 июня 1774, Париж — 10 июня 1817, близ Копенгагена) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант из рода Строгановых. Во время Французской революции член якобинского клуба («гражданин Очер»). Член Негласного комитета. Герой войн с Наполеоном.

Графиня Софья Владимировна Строганова, урождённая Голицына (11 ноября 1775 — 3 марта 1845) — фрейлина четырёх императриц, младшая дочь «пиковой дамы» Н. П. Голицыной, сестра московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына и статс-дамы Е. В. Апраксиной; жена генерала графа П. А. Строганова. Была очень дружна с императрицей Елизаветой Алексеевной.

Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771—1844) — военный деятель Наполеоновских войн (генерал от кавалерии), который в течение четверти века осуществлял управление Москвой (1820-44, в должности военного генерал-губернатора).

Барон, затем (1826) граф Александр Григорьевич Строганов (31 декабря 1795 — 2 августа 1891) — управляющий Министерством внутренних дел Российской империи (1839—1841), генерал-адъютант (1834), генерал от артиллерии (1856), глава ряда губерний, в т. ч. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1854—1863).

Григорий Михайлович Безобразов (1785 — 12 марта 1854) — московский гражданский губернатор (1823—1829). В 1820 году он был зачислен по кавалерии и назначен состоять по особым поручениям при московском генерал-губернаторе Д.В. Голицыне. В 1823 году Безобразов был назначен московским гражданским губернатором, с производством в действительные статские советники, и исправлял эту должность в продолжение шести лет.

(Анна-Жозефа) Теруань де Мерикур (13 августа 1762, Бельгия— 23 июня 1817, Копенгаген) — общественная деятельница Франции эпохи Французской революции, участница взятия Бастилии, одна из вдохновительниц и предводительница «похода женщин за хлебом» на Версаль 5 октября 1789 года.

Барон, затем (1761) граф Александр Сергеевич Строганов (3 января 1733, Москва — 27 сентября 1811, Санкт-Петербург) — русский государственный деятель: сенатор, обер-камергер (1797), действительный тайный советник 1-го класса (15 сентября 1811), с 1800 г. президент Императорской Академии художеств. Крупнейший землевладелец и уральский горнозаводчик; коллекционер и благотворитель. С 1784 г. петербургский губернский предводитель дворянства. Организатор масонских лож в России и Франции. Отец Павла Строганова.

Графиня Екатерина Петровна Строганова (в девичестве княжна Трубецкая, 1744, Петербург — 20 ноября 1815, Братцево) — светская красавица екатерининских времен, известная своей незаурядной судьбой. Жена Александра Строганова, мать Павла Строганова.

Граф Александр Павлович Строганов (17 июня 1794, Братцево — 7 марта 1814, близ Краона) — подпоручик Главного штаба. Погиб в битве с Наполеоном при Краоне. Сын Павла Строганова.

«Патрикий»-«Regina Maria Isabel»-«О'Хиггинс»-«Maria Isabel»-«Буэнос-Айрес»

